

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІХ.

1898.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	16
С. Ѳ. Платоновъ. Борьба за московскій престолъ въ 1598 году	283
А. С. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (продолженіе)	288
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка	360

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. П. Безобразовъ. В. М. Грибоевскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897	407
Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Духимъ у Эсхила. Исслѣдованіе И. Денисова. Харьковъ. 1898	453
В. С. Серебренниковъ. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Исслѣдованіе Александра Бриллиантова. С.-Пб. 1898	469
— Книжныя новости	492
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	19

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОПИСЬ.

— Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1898 году	67
— Памяти А. О. Павлова:	
I. Отъ редакціи	106
II. Вл. В. Соколовскій. А. С. Павловъ (некрологъ)	109
III. Ив. Ив. Шаховской. Памяти Павлова	134

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. В. Никитскій. Дельфійскіе завіады	1
--	---

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій
(Вышла 1-го октября).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897.

Очень пріятно видѣть, что не только историки, но и молодые юристы, начали обращать серьезное вниманіе на Византію. Византійское государственное право, можно сказать, не тронуто изслѣдователями, и въ этой области юристы могутъ оказать большія услуги исторіи.

„Изученіе государственнаго строя Византіи,—справедливо замѣчаетъ г. Грибовскій,—имѣетъ свой вполне самостоятельный историко-юридическій интересъ“. Въ особенности же это изученіе важно для насъ, русскихъ. „Мы привыкли себя считать законными наслѣдниками Византіи, и между тѣмъ до послѣдняго времени слово „византизмъ“ и „византійщина“ однимъ своимъ звукомъ приводятъ насъ въ содроганіе. А знаемъ ли мы при этомъ, что такое „византизмъ“. Въ существѣ дѣла мы этого не знаемъ“. „Даже поверхностное сравненіе нѣкоторыхъ византійскихъ учрежденій съ русскими, вродѣ, на примѣръ, помѣстной системы, порядка государственныхъ и придворныхъ должностей, судебныхъ инстанцій и проч. неотразимо наводитъ на мысль о воздѣйствіи и заимствованіи въ гораздо большей степени, нежели формы верховной власти. Несомнѣнно, конечно, что и въ отношеніи послѣднихъ историкамъ русскаго государственнаго права остается попрежнему обширное, мало початое, поле для любопытнѣйшихъ изслѣдованій, но, какъ справедливо говоритъ проф. Латкинъ, для выясненія значенія византійскаго вліянія, какъ фактора образованія самодержавія русскихъ государей, необходимо прежде всего изучить строй государственныхъ

и общественныхъ отношеній Византіи и ея политическую исторію. Только произведя подобную работу, можно до известной степени опредѣлить степень византійскаго вліянія въ области русскаго государственнаго права вообще и въ отношеніи образованія самодержавной власти русскихъ государей въ частности". „Итакъ, прежде чѣмъ говорить о какомъ бы то ни было заимствованіи русскимъ государственнымъ правомъ византійскаго, всякій изслѣдователь обязанъ уяснить себѣ то, что составляетъ отправныя точки его работы, то-есть, дать себѣ болѣе или менѣе подробный полный отчетъ о состояніи обоихъ сравниваемыхъ имъ предметовъ въ известную эпоху". Слѣдуя вышеприведеннымъ началамъ теоріи разработки иноземныхъ вліяній, авторъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію историко-юридическаго уравненія, поставилъ вначалѣ выдѣлить известныя его члены въ одну, неизвѣстныя—въ другую сторону. Въ данномъ случаѣ однимъ изъ неизвѣстныхъ, подлежащихъ выдѣленію и опредѣленію ранѣе другихъ, авторъ считаетъ нѣкоторые элементы византизма государственно-правоваго характера.

Авторъ непомѣрно и бесполезно расширилъ свою задачу тѣмъ, что, не довольствуясь изслѣдованіемъ о населеніи и власти, прибавилъ общій очеркъ византійской исторіи. Такой общій очеркъ могъ бы быть, конечно, очень интересенъ, но написать его содержательно будетъ въ состояніи только тотъ, кто подробно изучилъ по источникамъ судьбы и строй Восточной имперіи.

Съ другой стороны г. Грибовскій сжузилъ свою тему и хронологически и по содержанію. Онъ говоритъ не о власти, а только о царской власти, и не пользуется фактами и источниками послѣ 1204 г. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неудобно, такъ, напримеръ, о крестьянскомъ вопросѣ нельзя написать почти ничего, не пользуясь документами XIII и XIV вѣковъ.

Самое важное, однако, то, что, несмотря на бѣдность византійскихъ источниковъ, авторъ не пожелалъ воспользоваться и половиною напечатанныхъ документовъ и добровольно ограничилъ себя очень ничтожнымъ матеріаломъ. Даже при бѣгломъ просмотрѣ цитатъ бросается въ глаза, что авторъ-юристъ очень рѣдко смысляетъ на юридическія наметки и какъ будто совѣтъ не бралъ въ руки известнаго изданія Цахаріэ *Jus Graeco-romanum*. Выражаясь повизантійски, г. Грибовскій выступилъ на поле брани очень легко вооруженнымъ, и это главный недостатокъ его книги.

Отъ юриста можно было ожидать обстоятельнаго и документаль-

наго изложенія компетенціи царской власти. Дѣйствительно г. Грибовскій говоритъ о правахъ и преимуществахъ монарха въ параграфѣ, нѣсколько вычурно озаглавленномъ: „Реализація народныхъ стремленій въ законѣ и обычая“ (стр. 322). Но параграфъ этотъ не обстоятеленъ и не документаленъ; онъ составленъ главнымъ образомъ по Мортрелю, при чемъ кое-что выписано изъ статей проф. Сокольскаго и В. Г. Васильевскаго и изъ книги проф. Скабалавича, а также сдѣлана одна самостоятельная ссылка на Теофила. Авторъ былъ бы исполнѣ правъ, еслибы Мортрель исчерпалъ предметъ; на самомъ же дѣлѣ онъ и не могъ этого сдѣлать, потому что писалъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда многіе законодательные памятники были совсѣмъ не изданы или плохо изданы, и потому, что, занимаясь внѣшнею исторіей византійскаго права, далъ лишь мимоходомъ бѣглый очеркъ византійскаго государственнаго устройства.

Для опредѣленія правъ византійскаго царя г. Грибовскій такъ же, какъ и Мортрель, приводитъ только нѣкоторыя статьи Эпанагоги. Между тѣмъ въ Василикахъ права монарха опредѣлены гораздо точнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Эпанагогѣ, постановленія которой имѣютъ скорѣе нравственный, чѣмъ юридическій смыслъ. Такое упущеніе могло произойти оттого, что авторъ имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о византійскомъ сводѣ законовъ. Онъ называетъ Василики убогими и безтолковыми (стр. 188), но вопросъ очевидно не въ томъ; пусть Василики представляются г. Грибовскому убогими (тогда и римское право вообще должно быть названо убогимъ), однако изслѣдователь обязанъ пользоваться ими, если только они дѣйствовали. „Неофициальные своды, говоритъ г. Грибовскій (стр. 332), подъ конецъ совершенно вытѣснили собой, начиная съ одиннадцатаго вѣка, мертворожденныя Василики. Текстъ Василикъ въ значительной степени утратилъ свою обязательность вслѣдствіе выхода въ свѣтъ общія ему противорѣчившихъ новеллъ“. Очень трудно было бы подтвердить эти слова какими нибудь документальными ссылками, между тѣмъ какъ доказать противоположное очень легко.

Еслибы г. Грибовскій заглянулъ въ Пиру, очень важный источникъ, оставшійся ему совершенно неизвѣстнымъ, онъ узналъ бы, что византійскіе судьи постановляли свои приговоры на основаніи Василикъ, что подъ словомъ законъ (ἡ δὲ φρονὶ νόμος) разумѣются Василики, что изъ указателя, составленнаго Цахаріа и занимающаго нѣсколько страницъ, видно, какъ много цитатъ изъ Василикъ помѣщено въ Пирѣ. Еслибы г. Грибовскій заинтересовался устройствомъ

византійской юридической школы и прочель, хотя бы и не самый уставъ, а только краткую рецензію В. Г. Васильевскаго, ему сдѣлалось бы извѣстнымъ, что адвокаты и нотаріусы обязаны были изучать Василіки. Такъ было въ XI вѣкѣ, а въ XIII вѣкѣ Вальсамонъ на вопросъ Марка Александрійскаго отвѣчаетъ, что Василіки безусловно обязательны для всѣхъ христіанъ ¹⁾.

„Прежде всего, конечно, говорить г. Грибовскій (стр. 328), царь являлся главой законодательной власти“, но не подтверждаетъ этого никакими цитатами и не опредѣляетъ ни сферы ни формы этой законодательной власти.

Въ Римѣ считали, что законодательная власть принадлежитъ императору, потому что народъ передалъ ему всѣ свои полномочія ²⁾. Императорскія повелѣнія имѣли силу закона и издавались въ видѣ эдикта, декрета и рескрипта ³⁾. Согласно съ этимъ и въ Василікахъ сказано, что повелѣніе царя есть законъ (*quod principi placuit lex est*), будетъ ли это повелѣніе объявлено на словахъ или изложено письменно въ видѣ рескрипта, декрета или эдикта ⁴⁾.

Авторъ говоритъ объ этомъ основномъ принципѣ монархической власти нѣсколько разъ, но не тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ компетенцію монарха, и, повидимому, не понимаетъ его. „Императоры, пишетъ г. Грибовскій (рѣчь идетъ объ императорахъ отъ Константина Великаго до Льва Исавра), продолжали упражнять древне-римскій культъ власти съ тѣмъ различіемъ, однако, что высоко, хотя бы и узко, по-римски понимаемый лозунгъ *salus reipublicae suprema lex esto* замѣнился въ эту эпоху въ Византіи другимъ болѣе характернымъ кличемъ *quod principi placuit legis habet vigorem* (стр. 81)“. Слѣдовательно авторъ полагаетъ, что приравненіе царскаго повелѣнія къ закону византійское изобрѣтеніе, хотя онъ говоритъ о періодѣ, первая половина котораго во всякомъ случаѣ не можетъ быть названа ви-

¹⁾ *Пл. Соколовъ*, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, стр. 299.

²⁾ *Inst.* § 6. *Sed et quod principi placuit legis habet vigorem, cum lege regia, quae de eius imperio lata est, populus ei et in eum omne imperium suum et potestatem concessit* (*Mispoulet*, Les institutions politiques des romains, t. I, p. 367).

³⁾ *Constitutio principis est*, говоритъ Гаи, *quod imperator decreto vel edicto vel epistula constituit* (*Виллемсъ*, Римское государственное право, стр. 493).

⁴⁾ *Basilic.* I, II, tit. VI, 2. „Ὁπερ ἀρέσει τῷ βασιλεὶ νόμος ἐστὶν εἴτε δι' ἐπιστολῆς ἐνοχυγράφου (рескриптъ) ἢ διαγινώσκων ψηφίσεται (декретъ) ἢ ἐξ ἐπιπέδου διαλατῆσαι ἢ διὰ δόγματος προαγορεύσει (эдиктъ) καὶ λέγεται ταῦτα διατάξεις (constitutio).“

зантийскою. Но далѣ говоря о „римской импероалистической (1) философіи и толковавшемъ ея таинства римскомъ юристѣ-практикѣ“; авторъ утверждаетъ, будто они (то-есть, философія и юристъ) подобнымъ тезисомъ (*quod principi placuit, legis vigorem habet*) облакали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть (стр. 296). Слѣдовательно этотъ тезисъ или лозунгъ былъ ключемъ не византийскимъ, а римскимъ. Последнее, конечно, вѣрно, но чтобы въ форму закона былъ облеченъ капризъ монарха, это положительно не вѣрно и могло быть написано только лицомъ, не понимающимъ значенія слова „*placet*“ и мало знакомымъ съ римскимъ правомъ ¹⁾.

Благодаря такому непониманію основныхъ тезисовъ и малому знакомству съ византийскимъ правомъ, г. Грибовскій могъ написать слѣдующее: „Второй параграфъ шестого титула второй книги Василіи дословно переводитъ положеніе: *quod principi placuit legis habebit vigorem*. Не смотря на существованіе такихъ нормъ въ дѣйствовавшемъ законѣ, извѣстно, что примѣненіе въ практикѣ онѣ не получали, въ виду того, что христіанскіе императоры сами признавали ограниченіе своей воли по крайней мѣрѣ въ отношеніи предписаній Евангелія и семи вселенскихъ соборовъ. Что же касается въ частности Василія Македонянина, то онъ самъ въ Эпанагогѣ еще болѣе ограничивалъ себя четвертымъ параграфомъ перваго титула этого сборника“ (стр. 114) ²⁾.

Неужели г. Грибовскій серьезно думаетъ, что въ Византіи не существовало царскихъ повелѣній, имѣвшихъ силу закона? Ему, конечно, извѣстно, что новелла (*νέαρά διάταξις*) соответствуетъ *constitutio principis*, и что новеллы входили въ составъ сводовъ закона, по своему значенію ничѣмъ не отличаясь отъ закона. Какъ юристъ, г. Грибов-

¹⁾ Авторъ, можетъ, быть ввелъ въ заблужденіе слѣдующія слова проф. Сергѣевича: „Римскіе императоры языческой эпохи соединили въ своихъ рукахъ абсолютную власть. Но *lex regia* все, что было угодно и правилось императору, имѣло силу закона: *Quidquid (?) principi placuit legis habet vigorem*. Положеніе это не было отмѣнено и въ христіанскую эпоху; но съ признаніемъ христіанства государственной религіей, оно потеряло на практикѣ существенное ограниченіе“ (Русск. юридич. древности, т. II, вып. 2, стр. 608). Въ дошедшемъ до насъ текстѣ *lex regia* приведенныхъ словъ нѣтъ.

²⁾ Въ означенномъ параграфѣ говорится, что царь долженъ хранить все то, что заключается въ священномъ писаніи, что было установлено на семи вселенскихъ соборахъ, и то, что опредѣлено римскими законами; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы царь не имѣлъ права издавать повелѣній, равносильныхъ закону.

скій не написалъ бы ничего подобнаго, еслибы онъ въ данномъ случаѣ не повѣрилъ на слово греческому историку Папаригопуло ¹⁾).

„При первыхъ императорахъ, говоритъ проф. Коркуновъ, когда сохранялись еще республиканскія формы, установление совершенно новыхъ юридическихъ нормъ допускалось не иначе, какъ въ формѣ сенатус-консультовъ. Извѣстное правило *quod principi placuit, legis habet vigorem* имѣло лишь то значеніе, что установленное императорскою конституціей правило должно быть примѣняемо и въ другихъ однородныхъ случаяхъ, должно служить для нихъ закономъ, а вовсе не то, чтобы повелѣніемъ императора могло быть установлено то же, что и закономъ или сенатус-консультомъ. Но и въ позднѣйшее время, когда республиканскія формы уже исчезли, между различными формами императорскихъ конституцій все-таки дѣлалось различіе. *Generales constitutiones*, называвшіяся также и *leges*, противопоставались рескриптамъ и прагматическимъ санкціямъ. Рескрипты издавались по частнымъ случаямъ. Прагматическія санкціи имѣли общій характеръ, но по значенію своему онѣ не были равны законамъ. Если онѣ въ чемъ прямо противорѣчили общей конституціи, онѣ не имѣли силы“ ²⁾).

Существовало ли чтонибудь подобное въ Византіи, была ли разница между указомъ и закономъ? — вотъ вопросъ существенно важный, которымъ, однако, не задавался г. Грибовскій.

Въ Василикахъ сказано, что и по отношенію къ царю должны имѣть силу общіе законы, и противозаконные указы не должны быть исполняемы. Эта статья подробнѣе разъяснена въ такъ называемомъ *Synopsis minor* ³⁾).

Рескриптомъ, говорится въ этомъ сборникѣ, въ общемъ смыслѣ слова законъ называется царское повелѣніе (*ἀντιγραφὴν ὡς ἐκὶ τὸ κοινὸν ὁ νόμος τῆν βασιλικὴν ὀνομάζει πρόσταξιν*). Рескриптъ въ тѣсномъ смыслѣ слова появляется тогда, когда царь, отвѣчая на письменную реляцію

¹⁾ Cette clause (*quod principi placuit*) était vraie sous l'empire romain, les empereurs d'alors foulait aux pieds toutes les lois divines et humaines et se faisaient défier de leur vivant, mais elle était loin d'avoir un sens pratique au neuvième siècle. Le législateur des Basilica promulgua lui même l'Epanagogue, qui prescrivait au parag. 4 (*Papariropoulo*, Histoire de la civilisation hellénique, p. 244). Г. Грибовскій забылъ сослаться на Папаригопуло.

²⁾ Указъ и законъ, стр. 301.

³⁾ Basil. I. II, tit. VI, g. *Καὶ κατὰ βασιλείας οἱ γενικοὶ κρατεῖσσαν νόμοι καὶ πᾶσα παράνομος ἐμβαλλέσθω ἀντιγραφῆ.*

(вопросъ, кѣмъ нибудь предложенный), постановляетъ свое рѣшеніе (ἔστι δὲ χορίως ἀντιγραφῆ, ὅταν ὁ βασιλεὺς πρὸς ἀναφορὰν ἄλλου διὰ γραφῆς γενομένην ἀντιγράφας ὀρίσῃ τὸ δοκοῦν αὐτῷ); отсюда и всѣ остальные царскія повелѣнія называются въ законѣ рескриптомъ, потому что по большей части царскія повелѣнія возникаютъ изъ принесенныхъ реляцій. Точно такъ же, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ противозаконное отвергается, законъ повелѣваетъ, чтобы, если самъ царь повелитъ что нибудь противозаконное и постановитъ это рескриптомъ или царскимъ повелѣніемъ, это не имѣло силы. Ибо царскія повелѣнія имѣютъ силу тогда, когда они не противорѣчатъ никакимъ законамъ (αἱ γὰρ βασιλικαὶ προσταγαὶ τότε ἔχουσι τὸ κράτος, ὅταν μηδὲνὶ νόμῳ ὧσιν ἐναντιούμεναι).

Разница между указомъ и закономъ признавалась въ Византіи, въ теоріи по крайней мѣрѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна одна новелла Мануила Комнина (1159 г.), въ которой царь ограничиваетъ собственную власть. Императоръ постановляетъ, что въ случаѣ имъ будетъ издано на словахъ или письменно постановленіе, противорѣчащее справедливости и точному смыслу законовъ, такой указъ (декретъ) долженъ почитаться не дѣйствительнымъ и не приводиться въ исполненіе ¹⁾).

¹⁾ Διορίζεται γὰρ διὰ τῆς παρούσης χρυσοβούλλου γραφῆς, ἵνα εἰ τι δι' ἔμου τοῦ καιροῦ τῆς αὐτοκρατορίας ἡμῶν ἀγράφως ἢ ἐγγράφως ὀρισθῆ παρὰ τῆς βασιλείας μοῦ ἐναντίον τῶ δικαίῳ καὶ τῇ τῶν νόμων εὐθύτητι, ἀχυρον τοῦτο διαμεινῇ καὶ τὸ ἀπρακτον ἔξει παντάπασι (*Zachariá, Jus Gr.-Rom., t. III. Coll. IV. Nov. 63*). Въ Василікахъ указаны случаи, когда указъ, противорѣчащій закону, все-таки сохраняется силѣ. *Basil. I. II, tit. V, cap. 7.* Ἐρρώσθη παράνομος ἀντιγραφῆ βασιλέως ἐξ ὧν ἕτερον οὐκ ἀδικεῖ ἢ ἐάν ἐγκλήματος χαρίζεται τῷ δεηθέντι παραχώρησιν. Къ этому въ *Sinops. min. B., 50*, прибавлено: Ἀντιγραφαὶ μὴ ἐναντιούμεναι νόμῳ τὸ στέργον ἔχουσιν, ὅτε δὲ νόμῳ ἐναντιοῦνται, οὐ στέργονται ὡς παράνομοι. πολλάκις δὲ καὶ παράνομον βασιλικὴν προσταγὴν στέργομεν, ἀλλὰ τότε στέργομεν ταύτην, ὅτε καὶ παράνομος οὖσα καὶ βοηθοῦσα τινι, ὑπὲρ οὗ ἐγένετο δηλονότι, ἄλλον οὐκ ἀδικεῖ. πάλιν ἐστὶν ἐπ' ἀδείας τῷ βασιλεὶ συγχωρεῖν τοῖς πταίοσι καὶ ἀφιέναι τούτοις τὰ πταίσματα. οὐκ ἔχει δὲ τοῦτο ἐπ' ἀδείας ὁ βασιλεὺς ἐπὶ πάσαις ταῖς ὑποθέσεσιν, ἀλλὰ ἐν ταῖς ἐγκληματικαῖς ἐνοχαῖς οὐ δύναται συγχωρεῖν, εἰ μὴ πολλάκις τὸ ἐγκλημα εἰς αὐτὸν ἀνατρέχει τὸν βασιλέα. Καὶ ὅτι χωρὶς τῶν ἐγκληματικῶν ὑποθεσεων ἐξουσία ὑπάρχει τῷ βασιλεὶ τοῖς κατακρινομένοις ἀφιέναι τὰ πταίσματα, κελεύει ὁ νόμος στέργειν τὴν τοῦ βασιλέως ἀντιγραφὴν ἐν οἷς οὐ χαρίζεται ἐγκλήματος παραχώρησιν. εἰ δὲ καὶ πολλάκις παράνομος ἐστὶν (ἢ βασιλικὴ ἀντιγραφῆ) οὐκ εὐθὺς διὰ τὸ εἶναι παράνομος ἀθετεῖται καὶ ἀνατρέπεται, ἀλλὰ σκοπεῖται, εἰ ἀδικεῖται τις ἐξ αὐτῆς ἢ ἐάν τις συγχωρῆται διὰ ταύτην; εἰς ἐγκληματικὴν ὑπόθεσιν ἐνεχόμενος. Καὶ εἰ μὲν ἐν τι ἀπὸ τῶν δύο τούτων εὐρίσκεται ἐν τῇ βασιλικῇ ἀντιγραφῇ ἀθετεῖται διὰ τὸ εἶναι παράνομος. εἰ δὲ μηδὲν ἀπὸ τούτων ἐμφαίνεται ἐν τῇ τοῦ βασιλέως ἀντιγραφῇ, εἰ καὶ παράνομος ἐστὶ, στέργεται διὰ τὸ ὑπερέχον τῆς τοῦ βασιλέως τιμῆς.

Въ Византіи сохранились римскія формы царскихъ указовъ, и ихъ продолжаютъ отличать византійскіе юристы ¹⁾. Указъ, называвшійся въ Римѣ *constitutio principis*, сталъ называться въ Византіи *διάταξις*, обыкновенно *νσαρά διάταξις* (новымъ постановленіемъ, новеллой). Если присмотрѣться къ новелламъ, напечатаннымъ въ извѣстномъ изданіи Цахарія, легко видѣть, что одни по римской терминологіи эдикты (общія распоряженія, *διάταξις*, новеллы въ тѣсномъ смыслѣ слова) ²⁾, другія—рескрипты (отвѣты на реляціи чиновниковъ), то-есть, рѣшенія (*λόγος*) появившіяся вслѣдствіе *ἀναφορά* (реляціи) чиновниковъ, третьи—декреты, то-есть, приговоры императора по судебнымъ дѣламъ.

Въ новеллахъ нерѣдко указывается, что они появились вслѣдствіе частнаго вопроса такого-то и приобрѣли значеніе общаго закона. Такъ, напримѣръ, въ одной новеллѣ Константина Дуки говорится: *Ἰστίον ὅτι ὁ Δούκας ὁ βασιλεὺς λόσιν ἐποίησε πρὸς ἀναγραφὴν ἀντιγραφῶσαν σερρητικῶν... ἢ οὖν τοιαύτη λύσις τοῦ Δούκα κρατεῖ σήμερον ἐν τόπῳ νσαράς διάταξις καὶ τὸ ἐνεργὸν ἔχει* ³⁾.

Объ императорскомъ судѣ, гдѣ появлялись царскіе указы въ ихъ третьей формѣ (декреты), г. Грибовскій говоритъ очень мало и почти исключительно то, что нашелъ онъ у Мортреля. Прежде всего онъ сообщаетъ слѣдующее: „За все время бытія имперіи до латинскаго завоеванія источники указываютъ намъ на существованіе высшаго суда императора, противоположаемаго судамъ общаго характера. *Ἐἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον*, говорится, напримѣръ, въ десятой новеллѣ Мануила Комнина, *ἐν δικαστηρίῳ ἐν τῇ βασιλευούσῃ*“ (стр. 338) ⁴⁾. Что означаютъ послѣднія слова, трудно понять, если не загля-

Συνορα μιν. В. 41. Βασιλεὺς παρέχον συγχώρησιν τινι πταίσματι τὴν σωματικὴν τιμωρίαν συγχωρεῖ καὶ ἐκ ταύτης ἀπολύει τοῦ πταίσαντα. τὴν δὲ ἀτιμίαν τὴν κατὰ φύσιν παρεπομένην τοῖς δημοσίοις ἐγγλήμασι περιπίπτοντες ἄτιμοι μένειν παρὰ τοῦ νόμου καταδικάζονται, κἂν βασιλεὺς αὐτοῖς συγχωρῇ.

¹⁾ *Συνορα μινор В. 52. Ὁ βασιλεὺς δ:ὰ τριῶν τρόπων νομοθετεῖ, δι' ἀντιγραφῆς, περὶ ἧς ἐπισθεν σαφέστερον εἶπομεν, ἐν δεκρέτῳ, καὶ ἐν ἐδίктῳ.*

²⁾ Тамъ же. *Τὸ δὲ ἐν ἐδίктῳ λέγεται, ὅταν οἴκοθεν ὁ βασιλεὺς συνιδῶν τι τοῖς ὑπηκόοις ὤφελμον προστάξῃ αὐτό. ἢ γὰρ ἐξ ἑαυτοῦ εἰς περιποίησιν καὶ ὠφέλειαν τοῦ οἰκείου λαοῦ ἐξαγομένη παρὰ τοῦ βασιλέως διάταξις ἐδικτον ὀνομάζεται.*

³⁾ *Coll. IV, нов. 3. Coll. III, нов. 22. Ἀνήγαγεν ὁ πρωτοσπαθάριος Βασίλειος, ὁ ἐπὶ τῶν θεήσεων, ὅτι τόπου ἀναλαμβανόμενος ἀναργύρως ἀποδίδωσι τοῖς στρατιώταις. См. еще Coll. III, нов. 15. Coll. IV, нов. 34.*

⁴⁾ Въ новеллѣ Мануила Комнина (*Coll. IV, нов. 66, сар. 4*) говорится: *Ἀλλὰ καὶ τὰς ἐκκλήτους τὰς ἐν δικαστηρίῳ γινομένας ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν πόλεων καὶ τὰς περὶ αὐτῆς ἐναυτῶ κλεισθαι... εἰ δὲ καὶ ἐν ἑτέρῳ τινι ἐπαρχίᾳ κατάδικασθῇ καὶ εἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας μου ἐκκαλέσῃται ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον.*

нута въ книгу Мортреля; это нечто иное, какъ ошибка французскаго ученаго середины XIX вѣка, которую счелъ нужнымъ повторить русскій ученый конца вѣка. Мортрелю показалось, что *δικαστήριον ἐν τῇ βασιλευσούσῃ* (судъ въ царствующемъ градѣ, то-есть, столицѣ) значить императорскій судъ, и г. Грибовскій, слѣпо вѣряющій авторитетамъ, не замѣтилъ грубой ошибки. Далѣе авторъ повторяетъ то, что онъ нашелъ у Мортреля, хотя лучше было бы перевести соответствующія страницы изъ извѣстнаго сочиненія Цахаріэ (*Griechisch - römischer Recht*); а еслибы онъ воспользовался всѣми указаніями послѣдняго, онъ написалъ бы нѣчто дѣльное и новое.

Г. Грибовскій не старался опредѣлять компетенцію и составъ императорскаго суда, онъ не пожелалъ привести ни одного примѣра изъ практики этого суда. Изъ извѣстной книги проф. Скабалановича онъ извлекаетъ слѣдующее свѣдѣніе: „общему суду императора и его совѣта въ первой инстанціи подлежали дѣла особой исключительной важности, наприѣръ, преступленія высшихъ должностныхъ лицъ“ (стр. 340). „Поэтому, продолжаетъ авторъ, въ верховномъ императорскомъ судѣ разсматривались дѣла о заговорахъ при Константинѣ Мономахѣ; Романъ Диогенъ за свой преступный замыселъ былъ судимъ первѣйшими членами синклита“. „Поэтому“ поставлено очень некстати и затуманиваетъ дѣло. Дѣйствительно въ византійскихъ законахъ сказано, что высшихъ должностныхъ лицъ имѣеть право судить одинъ только царь, а другой судья лишь въ томъ случаѣ, если царь сдѣлаетъ такое специальное распоряженіе ¹⁾. Поэтому Романа Диогена, какъ сановника, могъ судить только императорскій судъ. Если же всякіе заговоры противъ монарха, кѣмъ бы они ни были учинены, разсматривались въ царскомъ судѣ, это уже второй пунктъ его компетенціи.

Что императорскій судъ есть высшая апелляціонная инстанція, это также вполне опредѣленно сказано въ законѣ и должно было быть приведено юристомъ ²⁾.

¹⁾ Synops. min. A, 132 (изъ Syn. A, 37). Οἱ μέγιστοι ἀξιωματικοί, εἰ καὶ πολλοὶ τῶν ἀξίων διαπέσωσι, παρὰ μόνῃ τῇ βασιλεὶ ἐνάγονται ἤτοι κατηγορούμενοι κρίνονται, παρὰ δὲ ἄλλῃ δικαστῇ οὐκ ἐνάγονται, εἰ μὴ, καλλίστις βασιλεὺς κελεύσει.

²⁾ Synops. min. A, 61 (изъ Epanag. XI, 9). Τὰ ἀρχοντικά κριτήρια ἐκκλήτῃ ὑπόκειται καὶ ἀναψηλαφᾶται οὐ μόνον παρὰ τοῦ βασιλέως, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐπάρχου καὶ τοῦ κοισιτωροῦ. Epanagog. tit. XI, 7. Ἡ τοῦ ἐπάρχου ψήφο: ἐκκλήτῃ οὐχ ὑπόκειται πλὴν ὑπὸ μόνου τοῦ βασιλέως, Epanag. tit. XI, 5. Τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν κριτήριον ἐκκλήτῃ οὐχ ὑπόκειται, οὐδὲ ἀναψηλαφᾶται ὑπὸ ἐτέρου, ἀλλ' ὑφ' ἑαυτοῦ αἰ ἐπακρίνεται. Замѣчательно, что, Грибовскій приводитъ только тѣ параграфы, которые онъ нашелъ въ статьѣ проф. Сокольскаго.

Г. Грибовскій повторяетъ за Мортрелемъ, что „юрисдикція верховнаго императорскаго суда выражалась въ тройкой формѣ, реляціи, аппеляціи и суппликаціи“ (стр. 338) ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, вѣрно, и авторъ могъ бы прибавить, что въ Византіи сохранились римскія формы судопроизводства, что и въ Римѣ верховный судъ точно также разбиралъ дѣла на основаніи аппеляціи, реляціи и суппликаціи.

„Реляція, пишетъ г. Грибовскій, состояла въ томъ, что судья, затруднявшійся рѣшеніемъ какого либо вопроса права, обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія къ государю, какъ источнику закона“. „Таковой порядокъ, прибавляетъ авторъ уже отъ себя (у Мортреля этого соображенія нѣтъ), основывался, очевидно, на слѣдующихъ текстахъ Кодекса: *inter aequitatem jusque interpositam interpretationem nobis solis et oportet et licet inspicere, et si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solo dignum imperio esse oportet* (I, 14, 1, 12). Автору слѣдовало бы прибавить, что тотъ же законъ имѣется и въ *Василикахъ* ²⁾.

„Простой судья, продолжаетъ г. Грибовскій налагать Мортреля, въ данномъ мѣстѣ на него не ссылаясь, но чаще друнгарій биглы изготовлялъ докладъ съ изложеніемъ вопроса доводами за и противъ, а императоръ присоединялся къ той или другой редакціи, и въ такомъ видѣ рескриптъ его получалъ силу законодательнаго толкованія“ (стр. 339) ³⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ много неясностей. Изъ книги г. Грибовскаго мы не узнаемъ, изъ кого состоялъ императорскій трибуналъ, и читатель въ правѣ спросить автора, почему же докладъ изготовлялъ начальникъ императорской стражи (друнгарій биглы), а если онъ былъ членомъ суда, чѣмъ отличался онъ отъ простаго судьи, и что это за страшный обычай излагать вмѣсто своего мнѣнія доводы за и противъ чего-то. Наконецъ позволено спросить, что значить „излагать вопросъ доводами за и противъ“, и можно ли пере-

¹⁾ *Mortreuil*, III, 84. Cette juridiction se manifeste sous une triple forme: *ἐκλήσις, ἐκκλησις, ὀριστής*.

²⁾ *Basilii* I, II, tit. VI, 6. *ὅταν ἕτερον τι τὸ νόμιμον βούληται, ἕτερον δὲ τὸ δικαίον, μόνο: βασιλεὺς δύναται τὴν περὶ τούτου τέμνειν ζήτησιν, ἐπειδὴ αὐτῷ κρέκει τὰ τοιαῦτα τέμνειν*. Въ статьѣ Эпанагоги, приведенной г. Грибовскимъ, говорится о случаѣ, когда нѣтъ прямого закона.

³⁾ *Le juge ordinaire, mais plus souvent le grand drungaire de la veille (δρουγγάριος τῆς βίγλης) faisait à l'empereur un exposé des faits et un résumé des motifs de droit pour et contre; l'empereur rendait son rescrit qui avait force de loi intercreative. Mortreuil, III, 85.*

водить такъ слова Мортреля: un résumé des motifs de droit pour et contre.

Жаль, что Мортрель говорить объ императорскомъ судѣ неточно и неполно. Поэтому и г. Гривовскій, повидимому, не знаетъ, что приговоры царскаго суда, имѣвшіе общее значеніе, получали силу закона. Это прямо сказано въ римскихъ и византійскихъ законахъ. Приговоръ императорскаго суда, получившій силу закона, назывался декретомъ, это и есть третья форма царскихъ указовъ, о которыхъ я говорилъ выше ¹⁾).

Съ реляціей къ царю обращались въ трехъ случаяхъ, когда со-всѣмъ не было закона, предусматривавшаго данный случай, когда законъ былъ недостаточно ясенъ, когда судья находилъ законъ слишкомъ суровымъ и не рѣшался примѣнить его.

Въ источникахъ г. Гривовскій могъ бы найти примѣры реляцій и приговоровъ. Протопродѣръ и друнгарій виглы Константина въ качествѣ предсѣдателя суда обратился къ царю Михаилу Дукѣ за разъясненіемъ одного частнаго вопроса судопроизводства (касавшагося присяги свидѣтелей), не предусмотрѣннаго закономъ ²⁾).

Друнгарій виглы, извѣстный историкъ Скилицъ, сообщилъ царю Алексѣю Комнину, что вслѣдствіе неопредѣленности закона произошло разногласіе между членами суда на ипподромѣ, и что царь долженъ отвѣтить, чье мнѣніе вѣрнѣе, и издать соответствующій указъ, который будетъ имѣть силу закона ³⁾).

¹⁾ Cod. Just. l. I, tit. XIV, 12. Si imperialis maiestas causam cognitionaliter examina-verit et partibus cominus constitutis sententiam dixerit, omnes omnino indices, qui sub nostro imperio sunt, sciant hoc esse legem non solum illi causae, pro qua producta est, sed et omnibus similibus.

Synops. min. B. 52. 'Ἐστὶ δὲ ἐν δεκρέτερ νομοθεσίᾳ, ὅταν τῶν δύο μερῶν τῶν ἀντικρινομένων ἀκούσας ὁ βασιλεὺς δικάσῃ καὶ ἀποφαίνηται: καὶ τοῦτο κρατήσῃ μὲν καὶ ἐπ' ἐκείνοις τοῖς παρὰ τοῦ βασιλέως κριθείσι, κρατήσῃ δὲ καὶ ἐπὶ ταῖς ἄλλαις ταῖς ὁμοίαις αὐτῇ ὑποθέσεσιν. αἱ γὰρ βασιλικαὶ ἀποφάσεις καὶ εἰς τὰς ὁμοίας ὑποθέσεις τῇ παρὰ τοῦ βασιλέως κριθείσῃ στέργονται, εἰ μὴ κολλᾶσις ρητῶς δηλωθῇ τι, ἧγουν ὅτι τοῦτο ἐπὶ ταύτης μόνῃς ἔστω τῆς ὑποθέσεως, ἐπὶ δὲ τῶν ἄλλων μὴ ἰσχύτω.

α) Coll. IV, nov. 6 ἀμφβολία τῷ δικαστηρίῳ ἐπέπεσε διὰ τὸ μὴ εὐρίσκεισθαι νόμον... τῇ κραταίᾳ καὶ ἀγίᾳ βασιλείᾳ σου ἀναφέρω ἴν' αὐτῇ ὡς ἀπὸ τῶν νόμων ἔχουσα τὴν ἐξουσίαν τὰ διαμφιβαλλόμενα τοῖς δικασταῖς τέμνειν ὅπερ εὐδοκεῖ διορίσθαι καὶ ἀντὶ νόμου ἀπὸ γε τοῦ νῦν ἢ πρόσταξις αὐτῆς κρατῆ.

β) Coll. IV, nov. 81 οὕτω δὲ καὶ τοῦ δικαστηρίου σχισθέντος ἀναφέρω τῇ ἀγίᾳ βασιλείᾳ σου ὁ ἀνάξιος δοῦλος αὐτῆς, ἐρωτῶν ὀποτέρᾳ δεῖ τῶν γυνῶν προτεθῆναι. φαίνεται γὰρ ἐκάτερον μέρος εὐλογοφανῆ προτεινόμενον καὶ ἐρμηνείαν λαβεῖν ἐξαιτῶ διὰ προσκυνητῆς ἀντιγραφῆς σαφῶς καὶ καθαρῶς λυούσης τὸ ἀμφισβήτημα, νόμου γὰρ τάξιν ἐπέχειν μάλλει εἰς τὸ μετέπειτα.

Однажды по приказанію куратора св. Софіи (κουράτωρ τῆς ἁγίας Σοφίας) его два раба напали на стратіота, занимавшаго церковный домъ. Стратіотъ ударилъ одного раба, тогда они заставили его уйдти изъ дома и, когда тотъ бѣжалъ, стали преслѣдовать его. Кураторъ, слѣдуя за рабами, закричалъ: пусть стратіотъ умретъ (ὡς ἀποθύη). Рабы закололи его. Вдова убитаго получила нѣкоторое матеріальное вознагражденіе: ей былъ отданъ одинъ рабъ, а другой былъ проданъ, и полученныя за него деньги отданы ей же. Но слѣдовало наказать и куратора. За подстрекательство къ убійству, какъ и за самое убійство, полагалась смертная казнь. Извѣстный судья, магистръ Евстаѳій, находилъ, что это слишкомъ суровое наказаніе, и не постановилъ приговора, а, заключивъ подсудимаго подъ стражу, спросилъ царскаго мнѣнія. Царь постановилъ отдать куратора на работы въ рудники ¹⁾.

Новеллы очень часто издавались потому, что судьи обращались къ царю за разъясненіями, и въ нѣкоторыхъ новеллахъ цѣлкомъ приводились соотвѣтствующіе доклады и затѣмъ постановленіе (λύσις) царя ²⁾.

Объ апелляціи г. Грибовскій говоритъ слѣдующее: „Какъ мы указали выше, Юстиніанъ для апелляціи установилъ опредѣленный порядокъ пересмотра дѣла по существу черезъ посредство особо уполномоченныхъ къ тому лицъ; апелляція къ императору разрѣшалась только въ исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, согласно Василикамъ, обжалованіе рѣшеній судовъ въ первой инстанціи императору допускалось въ качествѣ общаго правила; обремененіе особы императора устранилось тѣмъ способомъ, что царь лично не входилъ въ разсмотрѣніе дѣла, уполномочивая къ тому разныхъ должностныхъ лицъ“ (стр. 339).

Авторъ не дѣлаетъ никакихъ цитатъ, но все здѣсь сказанное можно прочесть у Мортрея, при чемъ, однако, является маленькое

¹⁾ Piga LXVI, 27. Ὁ μέντοι κουράτωρ κατεδικάσθη καὶ ἀπὸ μόνοῦ τοῦ ἐγκλεόεσθαι. Καὶ ὁ μάγιστρος κεφαλικῶς μὲν τοῦτον τιμωρηθῆναι οὐκ εὐδόκησεν, ἀλλ' ὑπομνήσας τὸν βασιλεῖα εἶχε τοῦτον ἐν φυλακῇ καὶ ὁ βασιλεὺς ἀπεφῆνато εἰς μέταλλον τοῦτον πέμψῆναι.

²⁾ Coll. IV, nov. 18 Никифора Фоки νεαρά ἐν λύσει ἀναφορᾶς περὶ ἀρμενίων καὶ τῶν ἐγκλήματι φόνου περιπιπτόντων.

Coll. IV, nov. 6 (1075 г.) Μηνὶ ὀκτωβρ. ιη ινδ, ιγ κατεστρώθη ὑπομνηστικὸν βεβουλωμένον καὶ ὑπογεγραμμένον τοῦ πρωτοπροέδρου κυροῦ Κωνσταντίνου καὶ θρουγγαρίου τῆς βίγλης πρὸς τὸν βασιλεῖα Μιχαὴλ τὸν Δούκα περιέχει οὕτως. Τολμῶν ὁ ἀνάσιος καὶ πανευτελής δοῦλος τῆς κραταιᾶς καὶ ἁγίας βασιλείας σου ὑπομνήστω.

Coll. IV, nov. 26, nov. 81, nov. 38.

сомнѣніе, хорошо ли знаетъ г. Грибовскій французскій языкъ. Мортрель говоритъ *après les Basiliques* (а не *d'après*) и ссылается на новеллы Алексѣя Комнина и Мануила Комнина, а г. Грибовскій переводитъ „согласно“ вмѣсто „послѣ“, забывая, что „наоборотъ согласно Василикамъ“ мало вѣроятно, ибо Василики, греческій переводъ Юстиніанова права, едва ли противорѣчатъ постановленіямъ Юстиніана ¹⁾).

Г. Грибовскій долженъ былъ бы обслѣдовать тотъ случай апелляціи къ царю, который подробно изложенъ въ одной новеллѣ Алексѣя Комнина. Нѣкая Анна, племянница митрополита никомидійскаго Василія, вела процессъ о третьей части дома своего дяди сначала съ Стефаномъ, епископомъ кесарійскимъ, а послѣ его смерти съ наследникомъ его, протоспаоаріемъ Михаиломъ. Дѣло ся разбиралось сначала въ судѣ квестора, а потомъ въ императорскомъ судѣ; царь издалъ указъ, по которому эта тяжба должна была быть разсмотрѣна въ судѣ друнгарія; вслѣдствіе разногласія членовъ суда, дѣло вновь разбиралось въ императорскомъ судѣ, и тутъ постановленъ окончательный приговоръ, цѣлкомъ приведенный въ новеллѣ ²⁾).

„Если судебное разбирательство будетъ принадлежать непосредственно верховной власти, говоритъ А. Д. Градовскій, значеніе общаго закона, одинаково ограждающаго права всѣхъ, будетъ поколеблено. Судебныя рѣшенія, исходяція отъ власти, поставленной выше закона, могутъ превратиться не въ примѣненіе общаго закона къ частнымъ случаямъ, а въ отдѣльныя узаконенія, изданныя по поводу этихъ частныхъ случаевъ, *ad hoc*. Возможность защиты отъ неправильныхъ рѣшеній, имѣющихъ мѣсто тамъ, гдѣ отправление правосудія находится въ рукахъ подзаконныхъ органовъ, будетъ устранено неотвѣтственностью верховной власти“ ³⁾).

¹⁾ C'était également comme juge d'appel que l'empereur exerçait la magistrature judiciaire. Justinien n'avait admis au tribunal impérial que les appels les plus importants; il déféra les autres à un ou deux juges choisis parmi les illustres, selon que la valeur du litige était de dix ou de vingt livres d'or. Après les Basiliques l'appel des jugements rendus à première instance, soit à Constantinople, soit dans les provinces, était porté devant l'empereur; mais il était rare qu'il prit lui même connaissance de l'affaire. *Mortreuil*, III, 86.

²⁾ Coll. IV, nov. 21. Ἐπειπερ Ἄννα δικαστικὸς ἀγῶνας ὑπέθετο πρῶτα μὲν παρὰ τῷ προέδρῳ Γεωργίῳ καὶ κοιαιστῶρι, ἐπειτα δὲ καὶ παρὰ τῷ γαληνῷ κράτει ἡμῶν... καὶ δι' ἀντιγραφῆς τοῦ κράτους ἡμῶν ἀμφω τὰ μέρη πρὸς τὸ δρουγγαρικὸν δικαστήριον παρεπέμφθησαν... κακῆθεν διὰ τὰς παρὰ τῶν δικαστῶν ἀναφορὰς ἀμφιβολίας τὰ τῆς ὑποθέσεως ἐγένοντο πάλιν πρὸς τὴν βασιλείαν μου.

³⁾ Начала русскаго государственнаго права, т. I, стр. 140.

Указанныя темныя стороны несомнѣнно сказывались въ Византіи. Приговоръ царскаго суда не подлежалъ ни апелляціи, ни пересмотру, но не могъ ли онъ быть уничтоженъ тѣмъ самымъ царемъ, который произнесъ его? Оказывается, что могъ.

Въ началѣ XIII вѣка возникъ споръ о наслѣдствѣ между двумя солунскими гражданками: Ораею, дочерью Логара, и Сахликиной, второй женой Логара. Мачиха съ падчерицей подѣлили между собой спорное имущество, о чемъ былъ составленъ раздѣльный актъ въ 1213 г. Черезъ 20 лѣтъ Сахликина вздумала опротестовать мировую сдѣлку, говоря будто она дала свое согласіе по принужденію. Въ двухъ инстанціяхъ Сахликина проиграла дѣло, но царскій судъ призналъ ее правою, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; домъ Оранъ вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей виноградникомъ былъ переданъ Сахликинѣ. Митрополитъ сообщилъ царю Мануилу, что дѣло рѣшено неправильно. Царь уничтожилъ свой собственный приговоръ и приказалъ рассмотреть это дѣло еще разъ въ судѣ солунскаго митрополита ¹⁾.

Къ тому, что г. Грибовскій нашель о царскомъ судѣ у Мортреля, онъ прибавилъ кое-что о монархѣ, „игравшемъ роль камеры преданія суду“, и тутъ имѣются ссылки на Еклогу, Эпанагогу, Прохиронъ. Однако эти цитаты совершенно излишняя роскошь, достаточно было одной ссылки на статью В. Г. Васильевскаго ²⁾.

Г. Грибовскій упоминаетъ и о другихъ правахъ византійскаго царя: о начальствованіи надъ войскомъ, установленіи налоговъ, пожалованіи высшими званіями, но онъ говоритъ объ этомъ неполно и не сообщаетъ, какимъ образомъ развились эти права. Такъ, напримѣръ, онъ оставляетъ безъ вниманія право экспроприаціи, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ книгѣ г. Соколова ³⁾.

¹⁾ Это дѣло на основаніи документа, напечатаннаго Пятроу (*Analecta Sacra*, vol. VI), изложено въ статьѣ М. С. Дринова (*Византійскій Временникъ*, т. II, стр. 16 сл.).

²⁾ „Позднѣйшее византійское писанное право не знаетъ, однако, такой осмотрительности и внимательности императора въ досудебное слѣдствіе. Прохиронъ и Эпанагога выражаются кратко: умыслившій на царскую безопасность подвергается смертной казни и конфискаціи имущества“ (*Грибовскій*, стр. 341).— Ср.— „Позднѣйшее византійское право опять отказалось отъ такого опредѣленія. Прохиронъ и Эпанагога выражаются совершенно кратко: умыслившій на царскую безопасность подвергается смертной казни и конфискаціи“ (*Васильевскій въ Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1878 г., № 199, стр. 288).

³⁾ „Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи“, стр. 177—179.

О преимуществах монарха г. Грибовскій въ разбираемой главѣ совсѣмъ не говоритъ, а въ другихъ мѣстахъ своей книги (напримѣръ, стр. 113), онъ обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе известнаго принципа *princeps legibus solutus*, думая, что этимъ выражается крайній деспотизмъ. Жаль, что авторъ не пользовался Моммзеномъ, а то онъ зналъ бы, что даже въ республиканскомъ Римѣ народный трибунъ (вплоть до смѣщенія) былъ *legibus solutus*, и что преимущество это не могло не перейти на императора, несмѣняемаго трибуна ¹⁾).

Впрочемъ и изъ университетскихъ курсовъ г. Грибовскій могъ бы почерпнуть нужное ему свѣдѣніе, что даже конституціонные монархи не отвѣтственны и не могутъ быть преданы суду. Въ учебникѣ А. Д. Градовскаго, который еще не такъ давно хорошо знали петербургскіе студенты, говорится: „Особа монарха изъята отъ дѣйствія общихъ законовъ государства, *princeps legibus solutus est*. Юридическое послѣдствіе этого принципа состоитъ въ неотвѣтственности монарха за свои дѣйствія, такъ какъ въ государствѣ нѣтъ власти, которая юридически могла бы привлечь его къ отвѣтственности. Въ конституціонныхъ монархіяхъ это начало выражено положительно въ конституціяхъ страны. Въ неограниченныхъ монархіяхъ это подразумевается само собой“ ²⁾).

Г. Грибовскій не захотѣлъ обстоятельно познакомиться съ царскою властью въ Византіи, которая по существу ничѣмъ не отличалась отъ римской. Только благодаря такому нежеланію, могъ онъ написать главу „о различіи теорій византійскаго и римскаго имперіализма“ (стр. 294). Этого различія авторъ и не нашелъ, потому что невозможно найти то, чего нѣтъ; онъ противопоставляетъ деспотическія проявленія римскихъ императоровъ идеалу византійскаго царя,—такую же разницу легко найти въ самой Византіи, если говорить о практикѣ и идеалѣ.

Жаль, что авторъ не читалъ Проконія. Этотъ византійскій писатель стоитъ на чисто римской точкѣ зрѣнія, а между тѣмъ „онъ не признаетъ власть автократора принципиально отличною отъ власти магистратовъ. Власть Юстиніана описательно названа, властью магистрата, стоящаго во главѣ государства“. Въ то же время Проконій

¹⁾ *Mommsen, Römisches Staatsrecht, Bd. I, p. 91—92. Mommsen, Abriss des römischen Staatsrechts, p. 192.*

²⁾ Начала русскаго государственнаго права, т. I, стр. 148.

отличается „патріотизмомъ, основаннымъ на идеѣ римской имперіи и римской культуры, недоступной враждебному міру варварскихъ племенъ и государствъ“¹⁾).

Чтобы познакомить читателя съ идеальными требованіями, представляемыми къ царю, г. Грибовскій дѣлаетъ выборки изъ царскаго свитка Агапита, сочиненія Теофилакта о царскомъ воспитаніи и завѣщанія Василя Македонянина. При этомъ онъ говоритъ, что „всѣ эти три сборника основаній византійской конституціи крайне родственны по содержанию и зиждутся въ руководящихъ мысляхъ на христіанскихъ истинахъ и греческой языческой мудрости древнихъ вѣковъ“ (стр. 304). Разборъ этихъ поученій (но не сборниковъ основаній византійской конституціи) могъ бы быть полезнымъ трудомъ, еслибы авторъ далъ себѣ трудъ отыскать источники, которыми пользовались Агапите, Теофилактъ и другіе.

Но г. Грибовскій, очевидно, не любитъ греческаго языка и предпочитаетъ переводить съ латинскаго перевода, забывая, что стариннымъ латинскимъ переводамъ византійцевъ довѣрять невозможно.

Поэтому въ русскомъ переводѣ г. Грибовскаго есть то, чего совсѣмъ не имѣется въ греческомъ текстѣ, и что появилось только вслѣдствіе фантазіи латинскаго переводчика²⁾).

¹⁾ *В. Ламченко, О тайной исторіи Проконія (Византійскій Временникъ, т. II, вып. 3).*

²⁾ Вотъ, напримеръ, мѣсто, очевидно, переведенное г. Грибовскимъ съ латинскаго. „Войдя въ царскій дворецъ, какія таинства совершаетъ (тиранъ) въ потаенныхъ мистикахъ его? Онъ весь погружается въ самыя зрлыя удовольствія; никому не довѣряя, не имѣя никого дорогимъ себѣ, онъ по прихоти переставляетъ и измѣняетъ законы, забавляясь ими, какъ бы бабками или игральными камешками, и служа своей жадности, распутству и страстямъ“ (стр. 311). Ср. Ἐκὰν δὲ εἰσελθὼν πρὸς τὰ ἀνάκτορα, ποίας τὰς τελετάς ἐκτελεῖ, inde ubi regiam introierit, quae iam in illis *adytis* mysteria celebrabit? Πάσα; μὲν ἡδονὰς πρεσβύται τοῦ σφρατος οὐα quidem ipsam ingurgitabit voluptatibus *obscoenissimis*, νόμους τε μεταπέττει; καὶ μετατίθησιν ἢ τῶ φιλοχρημάτων τῆς ψυχῆς ἢ τῶ ἀκολάστῶ, πάντως δὲ πάντα τιμὴν χαρίζομενος iam leges pro arbitrio ludibundus, ut talos aut calculos versat mutataque, vel avaritiae, vel libidini, vel simili cupiditati propriae aerviens (Patrolog. gr. t. 126, col. 269—272).

Вотъ другой примѣръ. „Подъ скипетромъ *таковою* владыки земледѣлецъ въ видѣ плода трудовъ своихъ пожинаетъ только слезы... *А мореплаватели?* Если онъ не проклинаетъ болѣе жестокіе вѣтры и волненія, не успѣвшіе его потопить, то взаимнъ того онъ испытываетъ еще болѣе ужасныя бури на берегу, въ гавани. Наконецъ, горожане, *уметаемые* *такимъ чудовищемъ*, подвергаются тѣмъ большимъ и невыносимымъ мученіямъ, чѣмъ ближе они находятся къ этому

самыя цитаты имѣются у Гаскэ. Есть въ указанномъ параграфѣ и такая цитата: *Synopsis Attal. tit. LXIX. Nomocanon t. II* (стр. 355). Но эта самая цитата и въ такомъ точно видѣ (безъ объясненія, какой это номоканонъ, и гдѣ онъ напечатанъ) находится и у Гаскэ. На стр. 361 нашъ авторъ пишетъ: „Преобладаніе императорскаго достоинства надъ патриаршимъ сказывалось даже въ мелочахъ торжественныхъ шествій. Во время таковыхъ, передъ императоромъ, напримѣръ, несли *βάρκοσλον*, въ знакъ двойственности его заботъ о тѣлѣ и душѣ народа, передъ патриархомъ *μονάριπλοσλον* въ силу того, что первосвященникъ имѣетъ попеченіе лишь о духовныхъ нуждахъ. Такъ толкуетъ это различіе ученый и авторитетный Вальсамонъ“. При этомъ цитата: *De Patriarch. privilegiis*. То же, что г. Грибовскій, разказалъ за много лѣтъ до него Гаскэ (р. 49) и сдѣлалъ такую же цитату, (*Balsamon, De patriarch. privileg.*), не указавъ, вѣроятно, по недосмотру, гдѣ можно найти этотъ трактатъ Вальсамона. У г. Грибовскаго имѣется еще такая цитата: *Zachariae III, 320. Novella XXXI de seditiosis*. Но буквально въ такомъ же видѣ цитата эта приведена въ книгѣ Ф. И. Успенскаго „Очерки по исторіи византійской образованности“.

Г. Грибовскій разсуждаетъ такъ, какъ будто Эпанагога единственный источникъ, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной. Между тѣмъ въ этомъ законѣ выразилось направленіе, которое можетъ быть названо восточнымъ папизмомъ или теоріей примата константинопольскаго патриарха. Авторъ не далъ себѣ труда внимательно прочесть хотя бы только книгу профессора Остроумова, на которую онъ разъ ссылается, а то онъ узналъ бы, что „теорія папы на Востокѣ не была общепринятою, она уравновѣшивалась другою теоріей, основанною на болѣе правильномъ пониманіи Халкидонскихъ правилъ, именно теоріей пяти чувствъ или равенства патриарховъ“¹⁾.

Послѣдній параграфъ своей книги г. Грибовскій посвятилъ важному и недостаточно разъясненному вопросу о преемствѣ власти. Такъ какъ въ Византіи не было закона о престолонаслѣдіи, вопросъ можетъ быть выясненъ только на основаніи свѣдѣній, даваемыхъ лѣтописцами. Надо подробно разобрать факты, предшествовавшіе и сопутствовавшіе воцаренію отдѣльныхъ царей, и тогда только можно будетъ прийти къ прочнымъ выводамъ. Однако г. Грибовскій выбралъ

¹⁾ Введеніе въ православное церковное право, стр. 455.

ной путь. Онъ взялъ книгу Паэра ¹⁾ и извлекъ изъ нея тѣ мѣста, которыя казались ему важными. большею частью не указывая источника. Трудно было выбрать болѣе ненадежнаго руководителя. Паэръ не былъ ученымъ, и написалъ онъ свою книгу не съ научною цѣлью, а съ политическою; онъ хотѣлъ доказать на примѣрѣ Рима и Византіи, что лучшая форма правленія—монархія, основанная на плебисцитѣ, и что для упроченія династіи Наполеона III надо приобщить къ власти его сына. Паэръ не точенъ; не зная греческаго языка, онъ пользуется латинскимъ переводомъ византійскихъ писателей и такъ мало знакомъ съ Византіей, что называетъ православныхъ священниковъ добровольными евнухами (le grétre, eunuque volontaire).

Несмотря на это, г. Грибовскій слѣпо слѣдуетъ за Паэромъ, повторяетъ его ошибки и даже переводитъ тексты съ его французскаго перевода, сдѣланнаго съ латинскаго ²⁾.

„Умирая, разказываетъ г. Грибовскій, Левъ Философъ призывалъ къ себѣ сенаторовъ и обратился къ нимъ съ рѣчью слѣдующаго содержания: „Друзья мои, съѣдаемое болѣзью тѣло мое распадается, силы слабѣютъ. Я прошу у васъ послѣдняго одолженія; не откажите мнѣ въ немъ. Вспомните, что я былъ добръ къ вамъ, и потому возьмите подъ свое покровительство мою жену и сына“. При этомъ сдѣлана ссылка на Кедрина (стр. 392) и выписанъ даже греческій текстъ. Но г. Грибовскій опустилъ тѣ же слова, какъ и Паэръ, вставилъ слова, не имѣющіяся у Кедрина, но имѣющіяся у Паэра, благорасположеніе

¹⁾ *Paillard*, Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople.

²⁾ Хотя у г. Грибовскаго или совсѣмъ нѣтъ цитатъ или есть ссылки на источники, тѣмъ не менѣе онъ пользовался почти исключительно Паэромъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ сравнить русское сокращеніе съ французскимъ оригиналомъ. Грибовскій стр. 388—389=*Paillard*, p. 331—332, стр. 391=*p.* 383, стр. 392=*p.* 384, стр. 393=*p.* 347—349, стр. 400—402=*p.* 358—360, стр. 404=*p.* 360, стр. 407—408=*p.* 392—393. „Среди безчисленныхъ революцій разумность начала единовластія въ примѣненіи къ восточно-римской имперіи осталась неизмѣною“ (*Грибовскій*, стр. 388). A travers toutes les révolutions, deux points restent inébranlables, sur lesquels tout le monde est d'accord. Le premier, c'est qu'il n'y a de possible que le gouvernement d'un seul (*Paillard*, p. 331). „Передаваемая наследнику власть, то-есть, лучше сказать, достоинство наследника, могло быть точно также отобрано обратно, какъ и сообщено“ (*Грибовскій*, стр. 409). Suivant une tradition constante des Romains, l'association, quelque étendue que soient les pouvoirs abandonnés au prince associé est et reste essentiellement révocable (*Paillard*, p. 401).

перевелъ, какъ и Паяръ. покровительствомъ и тѣмъ видоизмѣнилъ смыслъ цитаты ¹⁾).

О Львѣ Хазарскомъ г. Грибовскій разказываетъ, что „столичное населеніе явилось многочисленными толпами просить императора приобщить къ власти пятилѣтняго сына Константина. Императоръ не уступилъ настояніямъ просителей съ перваго раза. „Вы у меня требуете, обратился онъ къ народу, чтобы я отдалъ вамъ моего единственнаго сына, единственное дитя. А кто же мнѣ поручится за его жизнь, если я исполню ваше желаніе? Кто мнѣ поручится, что вы не заставите его умереть, чтобы возвести на престолъ другого императора?“ (стр. 393). Г. Грибовскій не сообщаетъ, откуда онъ позаимствовалъ эту рѣчь; но намъ извѣстно, что разказъ этотъ находится у Теофана, и что онъ попалъ въ разбираемую книгу въ изложеніи Паяра. На это указываетъ чисто французское выраженіе „заставите умереть“ (вмѣсто русскаго „убьете“) и вообще сходство русскаго текста съ французскимъ переводомъ Паяра, сбланнымъ съ латинскаго, а не съ греческаго текста Теофана ²⁾).

Г. Грибовскій разказываетъ слѣдующую невѣроятную вещь: „Только одинъ разъ болѣзненное воображеніе Ставракія, сына Никифора, попыталось превратить византійскую монархію въ республику, но мечтательный проектъ этотъ не вызвалъ ни въ комъ въ свою пользу даже малѣйшихъ колебаній. Ставракіемъ руководило стремленіе уничтожить царскій санъ, чтобы никто мнѣ болѣе не воспользовался послѣ его смерти“ (стр. 349).

Авторъ и здѣсь умалчиваетъ о своемъ источникѣ, но онъ несо-

¹⁾ Léon le Philosophe à ses derniers moments appelle le sénat... Amis, dit-il, ma chair s'est dissoute, consumée par la maladie, et mes forces se sont en allées (по-гречески еще και τάχα οὐκέτι μεθ' ὑμῶν βιοτεύω). Je vous demande une grâce la dernière; ne me la refusez pas (по-гречески только: μίαν και τελευταίαν ὑμᾶς αἰτῶ τὴν δὲ τὴν χάριν). Souvenez vous que j'ai été bon pour vous et ayez pour recommandés ma femme et mon fils (εὖνοιαν τῇ ἐμῇ συζύγῳ διατηρῆσαι και τῷ υἱῷ).

²⁾ Теофанъ говоритъ о войскѣ, а не о столичномъ населеніи и сообщаетъ слѣдующее: οἱ τῶν θεμάτων ἄρχοντες εἰσῆλθον πάντας σὺν πολλῶν πλήθει λαοῦ αἰτούμενο^ς Κωνσταντῖνον τὸν υἱὸν αὐτοῦ εἰς βασιλεία· ὁ δὲ ὡς ἔθος τοῖς βασιλεῦσιν ἀντεδῆλου αὐτοῖς, ὅτι ὁ υἱὸς μου μονογενῆς μοι ἐστίν και φοβοῦμαι τοῦτο ποιῆσαι, μήπως συμβῆ μοι τὸ ἀνθρώπινον και νηκίον αὐτοῦ ὄντος θανατώσῃτε αὐτὸν και ἄλλον προβάληθε. Theoph. (ed. De Boor, p. 449). Паяръ (p. 347) изложилъ это такъ: Vous me demandez mon fils, disait Léon, mon fils unique, un enfant. Et si je cède, qui me répondra de sa vie? Qui m' assure que vous ne le ferez pas mourir pour chercher ailleurs un autre maître?

ниѣнно повторяетъ ошибку Паяра, не понявшаго Теофана. Лѣтописецъ разказываетъ, что Ставракій, смертельно заболѣвшій, передаетъ царскую власть женѣ и этимъ возбуждаетъ народное волненіе. Паяръ невѣрно понялъ слово *δημοκρατία* и приписалъ византійскому царю такія революціонныя стремленія, какихъ никогда не имѣлъ ни одинъ византіецъ. А русскій изслѣдователь не былъ пораженъ такимъ удивительнымъ происшествіемъ ¹⁾).

Жаль, что г. Грибовскій увлекся Паяромъ, а не изслѣдованіемъ фактовъ, сопутствовавшихъ вступленію на престолъ византійскихъ царей; иначе онъ, вѣроятно, не написалъ бы, что Византія знала три способа замѣщенія престола: во-первыхъ, народное избраніе, во-вторыхъ, наследованіе, въ-третьихъ, усыновленіе и приобщеніе къ власти (стр. 407). Разсматривая событія съ 717 г. по 1204 г., легко замѣтить, что цари вступали на престолъ или миролюбивымъ путемъ по назначенію своихъ предшественниковъ или насильственнымъ путемъ, то-есть, престоломъ завладѣвали заговорщики. Ни разу Византія не оставалась безъ царя (какъ, напримѣръ, Москва передъ вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича) и ни разу не было сколько нибудь правильно организованнаго избранія царя. Когда византійцы говорили о народномъ избраніи, они допускали архаизмъ (въ родѣ единая и всемірная римская имперія) и сами хорошо знали, что это фикція. Пустой отголосокъ старины и старины очень давно прошедшей. Еще въ римской имперіи голосованіе въ комиціяхъ на Марсовомъ полѣ превратилось въ пустую формальность, въ *acclamatio*.

Это провозглашеніе вступившаго на престолъ царя сохранилось и въ Византіи, производилось исключительно столичнымъ населеніемъ (а не всѣми подданными) и означало только подтвержденіе совершившагося факта. Главное же значеніе при византійскихъ переворотахъ принадлежало войску, а константинопольскіе жители иногда помо-

¹⁾ Une seule fois, un cerveau malade songe, dit-on, dans les revasseries de la fièvre, à abolir le gouvernement impérial et à le changer en démocratie. L'histoire se contente de mentionner ce vague et bizarre projet de Stavrakios et passe outre (Pailard, p. 332).

Theop., p. 409: ὁ δὲ Σταυράκιος ἀνιάτως ὄρων ἑαυτὸν διακείμενον τῇ γαρτῇ τὴν βασιλείαν ἐκποιῶντα περιποιήσασθαι ἢ δημοκρατίαν ἐγγείραι χριστονοίς ἐπὶ τοῖς προλαβόντι κακοῖς.

Еслибы г. Грибовскій взглянулъ въ указатель Де-Боровскаго изданія, онъ увидѣлъ бы тамъ: *δημοκρατία* = *ἀναρχία*, *δημοκρατία* = *turbae factionum*, напримѣръ, p. 181 ἐγένετο Κοσμηκαὶ δημοκρατία καὶ φόνοι.

гали заговорщику тѣмъ, что начинали шумѣть и грозить царствовавшему императору.

Льва Исавра (717—741), занимавшаго должность главнокомандующаго и стоявшаго въ Амориѣ, провозгласило царемъ войско. Затѣмъ онъ захватилъ сына царя Θεοδοσία и двинулся въ Χρισοπολ. Узнавъ объ этомъ и понявъ изъ совѣщанія съ патриархомъ и сановниками, что онъ не можетъ рассчитывать на ихъ поддержку, Θεοδοσίη отрывается отъ престола въ пользу Льва ¹⁾.

Когда Михаилъ Рангави проигралъ большое сраженіе съ болгарами, войско взбунтовалось и провозгласило царемъ Льва V, бывшаго, какъ и Левъ I, стратигомъ. Когда бунтовщикъ подошелъ къ столицѣ, Михаилъ не оказалъ ему никакого сопротивленія, высшіе сановники и народъ встрѣтили его недалеко отъ Золотыхъ Воротъ у храма Предтечи и проводили во дворецъ. Михаилъ былъ постриженъ, и послѣ этого уже послѣдовало народное провозглашеніе Льва V ²⁾.

Никифоръ Фока былъ тоже полководцемъ и тоже былъ провозглашенъ войскомъ, когда по смерти Романа рѣшился завладѣть престоломъ, пользуясь малолѣтствомъ царей Василія и Константина. Никифоръ для вида отказывался и, согласившись наконецъ, обратился къ войску съ рѣчью, въ которой говорилъ, что онъ не тиранъ, а принялъ бранды правленія по настоянію войска, и солдаты могутъ быть тому свидѣтелями. Находясь еще въ Азіи, Фока не только надѣваетъ отличительные знаки царской власти, но и проявляетъ ее фактически, напримѣръ, назначаетъ Цимисхія командующимъ восточнымъ войскомъ. Затѣмъ Фока пишетъ регентамъ, что онъ совѣтуетъ имъ признать его самодержцемъ, и тогда онъ обѣщается признать царями сыновей Романа и охранять ихъ, иначе же онъ будетъ рѣшать дѣло мечемъ и убійствомъ. Въ виду громадной военной силы, находившейся въ рукахъ Никифора Фоки, правители соглашаются на этотъ компромисъ,

¹⁾ Theoph. (ed. De Boor), p. 387—490: γνοὺς δὲ Θεοδοσίος τὰ πραχθέντα καὶ βουλευσάμενος Γερμανὸν τὸν πατριάρχην καὶ τὴν σύγκλητον, ἔλαβε λόγον διὰ τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου παρὰ Λέοντος τῆς αὐτοῦ ἀβλαβείας καὶ οὕτως ἐγγχειρίζει αὐτῷ τὴν βασιλείαν.

²⁾ Theoph. Contin., p. 16: ἄρτι γοῦν ἀνηγορεύετο παρὰ τοῦ στρατοῦ. Geseh. p. 4: ἀφ' ὧν ὁ στρατιωτικὸς σύλλογος καταλειθόρει τοῦ βασιλέως ἀφέλειαν καὶ ἐκλότον τοῦτον ἐπέφηρίζετο καὶ τὸν στρατηγὸν Λέοντα συμφώνως εἰς βασιλείαν προέκρινεν... p. 6. Τοῦ δὲ τυράννου καταλαβόντος διὰ τῆς Χρυσῆς κύλης τὸν τοῦ Προδρόμου ναὸν, πολλοὶ τῆς γερουσίας προσήεσαν αὐτῷ, ὃν καὶ δορυφοροῦντες μετὰ τοῦ συνεπομένου ὄχλου τοῖς βασιλείοις ἀπήγαγον. p. 7: καὶ δὴ τοῖς εἰσω τῶν βασιλείων χωρήσαντος Λέοντος, εὐθέως τὰς τρίγας χειράμενος Μιχαήλ; p. 12: ἀναρρηθεὶς δὴ δημοσίᾳ Λέων ὁ βασιλεύς...

онъ вѣзжаетъ торжественно въ Золотыя Ворота и, сопровождаемый кликами народа и сановниковъ, отправляется въ св. Софію, гдѣ его коронуется патриархъ ¹⁾).

Исаакъ Комнинъ попалъ на престолъ вслѣдствіе заговора военачальниковъ, недовольныхъ Михайломъ VI. Заговорщики поспѣшили въ Пафлагонию, гдѣ находился Комнинъ, и торжественно провозгласили его царемъ; къ нему стали стекаться стратіоты; онъ двинулся къ Никеѣ во главѣ своего отряда и занялъ этотъ городъ. Когда заговорщикъ одержалъ рѣшительную побѣду, въ Константинополѣ началось сильное движеніе въ пользу побѣдителя. Узнавъ объ этомъ, Михайлъ VI отрекся отъ престола. 2-го сентября 1057 г. Исаакъ былъ коронованъ и провозглашенъ царемъ ²⁾).

Вступленіе на престолъ Никифора Вотаниата происходило почти такъ же, какъ и воцареніе Исаака Комнина. Вотаниатъ тоже былъ провозглашенъ сначала войскомъ, затѣмъ сталъ покорять себѣ города Малой Азіи, наконецъ и въ столицѣ собралась партія, недовольная Михайломъ VII, и провозгласила царемъ Вотаниата ³⁾).

Преемникъ Вотаниата Алексѣй Комнинъ, провозглашенный точно такъ же войскомъ, повелъ настоящую войну съ царемъ, осадилъ и взялъ столицу, при чемъ его отрядъ, по словамъ Анны Комнины, зная, что столица изобилуетъ всякаго рода сокровищами, разсѣявшись по главнымъ улицамъ, не щадилъ ни домовъ, ни церквей, но выносилъ оттуда богатую добычу и только удерживался отъ убійствъ. Послѣ завоеванія дворца Алексѣй былъ коронованъ патриархомъ ⁴⁾).

Алексѣя Ангела провозгласили во время похода полководцы Врана, Палеологъ, Петралифа, къ которымъ присоединились войска. Послѣ этого онъ вступилъ въ столицу, гдѣ его сочувственно приняли большая часть синклита и народъ ⁵⁾).

¹⁾ Leo Diacon., p. 40. 'Ἐπει δὲ ἐν τῷς ὀλίγων ἡμερῶν ἄπαν τὸ τῆς Ἀσίας πρὸ αὐτὸν συνήροιστο στράτευμα, ἡμέρας ἤδη διαφανούσης οἱ τὰς τοῦ στρατοῦ παρειληφότες ἡγεμονίας αὐτοκράτορα Ῥωμαίων καὶ κραταίδην βασιλέα τὸν Νικήφορον ἐφήμιζον. ὁ δὲ καταδέχεται τὴν ἀρχὴν καὶ τὸ ἐρυθρὸν κέδιλον ὑποδέχεται. Фока говоритъ войску: ὅτι μὴν οὐκ ἐφέσει τυραννίδος, ᾧ συστρατιῶται, τότε τὸ σχῆμα τῆς βασιλείας ἀνείληφα, κατανίχη δὲ ὑμῶν τοῦ στρατοῦ βιασθεῖς, μαρτυρεῖτε μοι καὶ αὐτοὶ (p. 41), p. 47: Νικήφορος διὰ τῆς χροσῆς πόλης εἰσήλαυνεν, ὑπὸ παντὸς τοῦ δήμου καὶ τῶν ἐν τέλει χροτούμενος τε καὶ γεραιόφρονος.

²⁾ Скабаланоичъ, Византійское государство, стр. 74—79.

³⁾ Тамъ же, стр. 116—117.

⁴⁾ Анна Комнина (русскій переводъ), стр. 107—110, 120.

⁵⁾ Nic. Chon., p. 593.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло, когда совершался дворцовый переворотъ. Цимисій виѣхъ съ царицей Теофано убиваетъ Никифора Фоку, и затѣмъ тутъ же среди ночи придворные провозглашаютъ Цимисію царемъ, и по городу рассылаются люди, которые на улицахъ провозглашаютъ Іоанна; ихъ, конечно, нельзя назвать представителями народа, и такимъ способомъ столичное населеніе только оповѣщается о совершившемся фактѣ ¹⁾.

Михаила Аморійскаго подобнымъ же образомъ посадили на престолъ придворные, и вслѣдъ затѣмъ онъ былъ коронованъ патриархомъ и провозглашенъ народомъ ²⁾.

О Теодорѣ, дочери Константина VIII, проф. Скабалановичъ рассказываетъ, что когда заболѣлъ Константинъ Мономахъ, евнухи посадили ее на быстроходное судно, увезли во дворецъ и тамъ провозгласили самодержавною царицей, склоня на ея сторону дворцовую стражу ³⁾.

О Михаилѣ Рангави лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ былъ провозглашенъ царемъ всѣмъ синклитомъ и войскомъ, о народѣ же Теофанъ умалчиваетъ ⁴⁾.

Провозглашеніе, повидимому, могло совершаться небольшими кучками людей; по крайней мѣрѣ Теофанъ рассказываетъ, что когда придворная партія свергла Ирину и ввела въ Большой дворецъ Никифора, ночью были посланы рабы и другіе ничтожные люди, ходившіе по всему городу и провозглашавшіе царемъ Никифора; утромъ онъ отправился въ св. Софію для коронаціи; собралось все столичное населеніе, и всѣ были недовольны совершившимся, проклиная и вѣн-

¹⁾ Leo Diacon., p. 91—93. Τοῦ δὲ αὐτοκράτορος Νικηφόρου ἀνααιρεθέντος τὰς τῆς βασιλείας ἡνίας Ἰωάννης, ὁ κατ' ἐπίκλησιν Τζιμισκῆς ὑποζώννεται ἤδη δὲ τετάρτης φυλακῆς τῆς νυκτὸς ἀρχομένης λογάδων ἀνδρῶν στίφος διὰ τῶν ἀγυῶν τοῦ ἄστεος διερχόμενον αὐτοκράτορα Ρωμαίων τὸν Ἰωάννην ἀναγόμενον.

²⁾ Theoph. Cont., p. 41. Μιχαήλ... ἐπὶ τὸν βασιλεῖον ἐκάθισεν θρόνον καὶ παρὰ πάντων τῶν τότε ὄντων ἐν τῷ παλατίῳ προσεκύνηθη αὐτοκράτωρ ἀναγορευθεὶς. ἤδη δὲ μεσοῦσης ἡμέρας πρὸς τὸν θεῖον ναὸν προσεβλήθηεν τοῦ στέφου; ἐκ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς καὶ τῆς πνθῆμου τυχεῖν ἐπιθυμῶν ἀναρρήσεως. Genes., p. 30. ὁ δὲ Μιχαήλ παρ' ἐλπίδα ἐξ εἰρητῆς αὐτοκράτωρ ἀνηγορεύετο τῷ τε βασιλικῷ θρόνῳ καθίσβεται, ὃ προσίαι πάντες οἱ ἐντυχόντες καὶ τὸ σέβας προσκύνητὸν ἀπονέμουσιν. ἐβδόμη; δὲ ἄρας διαταλοῦσης ἄκαιε Μιχαήλ βασιλεὺς τῷ μεγίστῳ ναφ̄ σὺν ἅμα τοῖς διαπραξοῖ τὸ τόλμημα, τῆς θείας τελεταρχίας ἀξιοθῆναι.

³⁾ Византийское государство, стр. 68.

⁴⁾ Theoh., p. 493. Μιχαήλ ἀνηγορεύθη βασιλεὺς Ρωμαίων ἐν τῷ ἵπποδρόμῳ ὑπὸ πάσης τῆς συγκλήτου καὶ τῶν ταγμάτων.

чавшаго на царство и повѣнчаннаго ¹⁾). Такое провозглашеніе даже съ византійской точки зрѣнія должно быть названо фиктивнымъ, а Никифоръ все-таки процарствовалъ девять лѣтъ (801—811 г.) и просидѣлъ бы на престолѣ, можетъ быть, гораздо дольше, еслибы не былъ случайно убитъ въ сраженіи съ болгарами.

Изрѣдка перевороты совершались вслѣдствіе настоящаго народнаго возстанія; такихъ случаевъ было два. Столичное населеніе поднялось противъ Андроника Комнина, возбудившаго всеобщую ненависть своею непримѣрною жестокостію; чернь разломала ворота, ворвалась во дворецъ и принудила царя бѣжать. Огромнѣйшая толпа людей, вооруженная мечами, кольями и обрубками дерева, взятыми изъ мастерскихъ, провозгласила Исаака Ангела самодержавнымъ царемъ ²⁾.

Когда крестоносцы стояли подъ стѣнами Константинополя, народъ, недовольный политикой Алексѣя IV Ангела, собрался въ св. Софію. Силою заставили явиться сюда сановниковъ и высшее духовенство. Присутствующій тутъ Никита Хониатъ находилъ, что не слѣдуетъ низлагать царствующихъ монарховъ (Исаака и Алексѣя), но по его словамъ народъ, эта масса, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, бурная, ничего не способная понять, кромѣ того, чего упрямо захочеть, твердилъ, что не желаетъ болѣе царствованія Ангеловъ, и что собраніе не иначе разойдется, какъ по избраніи угоднаго ему правителя. Тутъ провозгласили Николая Канона, но на самомъ дѣлѣ завладѣлъ престоломъ Алексѣй Мурзуфлъ ³⁾.

¹⁾ Theop., p. 476. οὕτως οὖν ἐπὶ τὸ μέγα καλᾶτιον ἐλθόντες οἱ αὐτοὶ πατριῖοι εἰσῆλθον ἐν αὐτῷ κάκειθεν ἀποστείλαντες καθ' ὅλην τὴν πόλιν ἀσήμεους τινὰς καὶ δοῦλους τὴν ἀναγόμεναι ἐποίησαντο πρὸ τοῦ μεσονυχτίου ὄρθρου δὲ προσῆλθον ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, ἐπὶ τὸ στέφαι τὸν ἀλιτήριον. συνῆλθε δὲ ἅπαν τὸ πλῆθος, καὶ πάντες ἐπὶ τοῖς πραττομένοις ἐδυσχέρανον ἐπαρέμενοι τὸν στέφοντα καὶ τὸν στεφόμενον καὶ τοὺς τοῦτοισι συγχαίροντας.

²⁾ Nicet. Chon., p. 448—453. πρῶτας δὲ γενομένης οὐκ ἦν ὅστις οὐ παρῆν οἰκίητος τῆς πόλεως, οὐδ' ἐθεοκλύει αὐτοκρατορήσειν μὲν Ἰσαάκιον, Ἀνδρόνικον δὲ καθαιρεθῆναι τῆς βασιλείας... ἡμέρας δὲ διαγελασάσης, ὅσοι τε Ἀνδρόνικον ἐθεράπευον, καταστᾶλλειν ἐπειρῶντο τὸν ὄχλον κομαινόμενον... καὶ συναγωγῆς πλείστης λαοῦ μεθ' ὀρμῆς τοιαύτης γεγενημένης βασιλεὺς αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ἀναγορεύεται Ἰσαάκιος... διὲ βασιλεὺς αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὑπὸ τῶν συνεληλυθότων ὄχλων αὐθις ἀναρρηθεῖς.

³⁾ Nicet. Chon., p. 743. συνδρομῆς δ' ὅτι πλείστης εἰς τὸν μέγαν γενομένης νεῶν ἠναγκάζετο καὶ ἡ σύγκλητος ἦτε τῶν ἀρχιερέων ὀμήγορις καὶ οἱ τοῦ βήματος λόγιμοι συνελθεῖν ἐκεῖσε καὶ συνόσιασκέψασθαι σφισι περὶ τοῦ ἄρξοντος... οἱ δὲ λαοὶ χρῆμα τι ὄντες ἀφελῆς καὶ ἐυρίπιστον, καὶ πλέον τοῦ θεληματαίνειν οὐδὲν ἐπισταμενοί, οὐκετ' ἔφασκον ὑπ' Ἀγγέλων βούλεσθαι βασιλεύεσθαι καὶ ὡς οὐκ ἄλλως ὁ σύλλογος ἐκείνος διαλυθήσεται, εἰ μήτις τῶν πραγμάτων προσθήσεται θυμῆρης αὐτοῖς.

Изъ приведенныхъ фактовъ можно, кажется, сдѣлать слѣдующее заключеніе: при насильственныхъ переворотахъ воцарившимся считался тотъ, кто завладѣвалъ дворцомъ, онъ становился законнымъ царемъ послѣ коронаціи, а унаслѣдованное отъ Рима провозглашеніе (*acclamatio*) слѣдовало за воцареніемъ, подтверждало совершившійся переворотъ, служило выраженіемъ вѣрнопопдадническихъ чувствъ.

„Кромѣ народнаго избранія и наслѣдованія, говоритъ г. Грибовскій, основаннаго на кровномъ родствѣ преемника съ покойнымъ императоромъ, Византія, подобно Риму, знала еще особенный способъ замѣщенія престола посредствомъ усыновленія и приобщенія къ власти. Особенность восточной имперіи заключалась въ томъ, что даже кровный законный наслѣдникъ престола необходимо долженъ былъ заранѣе быть объявленнымъ императоромъ и короноваться, какъ соправитель. Дѣлалось это для того, чтобы народъ впередъ могъ видѣть въ чьи руки должно перейти въ будущемъ кормило правленія, и имѣлъ возможность положительно или отрицательно высказаться за предполагаемаго замѣстителя трона. Обыкновенно въ общемъ порядкѣ усыновленіе и приобщеніе къ власти слѣдовали одно за другимъ. Но иногда, повидимому, коронованіе, то-есть, приобщеніе къ власти, могло имѣть мѣсто безъ усыновленія“ (стр. 407—408).

Въ этихъ немногихъ строкахъ, по моему мнѣнію, много ошибокъ. Наслѣдованіе, основанное на кровномъ родствѣ, не представляло особеннаго способа замѣщенія престола, и термина въ родѣ наслѣдника престола не существовало въ Византіи. Второй способъ замѣщенія престола заключался въ назначеніи себѣ преемника царемъ, а такъ какъ назначеніе это могло быть нарушено, цари еще при жизни назначали соправителями и короновали намѣченныхъ преемниковъ; такимъ образомъ по смерти царя не могло быть и вопроса о преемствѣ, одинъ царь умеръ, но другой былъ живъ, и къ нему переходила фактическая власть.

Сыновья царей не имѣли никакого права на престолъ, и потому византійскіе монархи, желая упрочить власть за своимъ потомствомъ, нерѣдко назначали соправителями и короновали младенцевъ. Константинъ Копронимъ короновалъ своего полуторогодовалаго сына Льва, а послѣдній малолѣтняго сына Константина VI ¹⁾. Когда умеръ Левъ Мудрый, Константину Багрянородному, вѣнчанному на царство отцомъ,

¹⁾ Theoph., p. 426 ἔταψε Κωνσταντῖνος τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν Λέοντα εἰς βασιλεῖα δι' Ἀναστασίου πατριάρχου. Theoph., p. 449—450.

было всего семь лѣтъ ¹⁾. Василій II в Константинь VIII, послѣдніе отпрыски македонскаго дома, тоже получили номинальную царскую власть въ дѣтствѣ ²⁾. Константинъ X Дука назначилъ совправителями своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Михаила, Андроника и Константина. Алексѣй Комнинъ сдѣлалъ царемъ малолѣтняго сына Іоанна, а послѣдній Мануила ³⁾.

Лѣтописцы разказываютъ иногда, что цари наследуютъ отцовскую власть; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, будто въ Византіи существовало престолонаслѣдіе; въ данномъ случаѣ просто умалчивается о болѣе раннемъ фактѣ назначеніи сына совправителемъ ⁴⁾.

Г. Грибовскій думаетъ, что для приобщенія къ власти преемника нужно было и усыновленіе. На самомъ дѣлѣ, однако, въ большинствѣ случаевъ приобщались къ власти сыновья царей; когда же престолъ передавался постороннимъ лицамъ, въ усыновленіи не было никакой надобности, и мы знаемъ только два подобныхъ примѣра (Василій Македонскій усыновленъ Михаиломъ III, а Михаилъ V—Зоей), представлявшихъ не правило, а исключеніе ⁵⁾.

„Личная воля императора, говоритъ г. Грибовскій, сама по себѣ была безсильна обезпечить царствованіе преемнику помимо народнаго на то согласія“ (стр. 394). Я думаю, авторъ не написалъ бы этихъ словъ, еслибы онъ познакомился съ однимъ документомъ, напечатаннымъ проф. Павловымъ. Я говорю о синодальномъ актѣ, содержа-

¹⁾ Theoph. Contin., p. 375: στέφει ὁ Λέων ὁ βασιλεὺς τὸν υἱὸν αὐτοῦ Κωνσταντῖνον διὰ Εὐθυμίου πατριάρχου.

²⁾ Leo Diacon., p. 31: τὴν τῆς βασιλείας ἀρχὴν Βασίλειος καὶ Κωνσταντῖνος, νήπιοι κομιδῇ τελούντες καὶ τιθνηρόμενοι ἐγχειρίζονται.

³⁾ Киннамъ, стр. 3 (русскій переводъ). Cinnam., p. 26. Іоаннъ Комнинъ говоритъ своимъ приближеннымъ: ὡς μὲν πολλοῖς ἦδη καὶ ἄλλοις τῶν παρ' ἡμῖν βασιλεῦσιν ἐπὶ τοὺς παῖδας τοὺς αὐτῶν ὡς περ τινα κληρὸν Πατρῶων τὴν ἡγεμονίαν διαβιβάζειν ἔδοξεν, αὐτὸς δὲ οἶδα πρὸς πατρός βασιλέως τήνδε παραλαβὼν τὴν ἀρχήν, τούτῃ ἀρα καὶ οἶσθ' ἐμὲ παιθὸν ἐμοὶ ἀπολείμενοι διεῖν, ὡς περ ἀνθρώποις νόμος ἐστίν, ἀρχὴν τήνδε καὶ θρόνον μεταγάγειν. Nicet. Choniāt., p. 61: τὸν Μανουὴλ ἐς βασιλεία κατὰ τότε προέκρινε, δέξασθε τοῖνον τὸν μείρακα καὶ ὡς θεόχριστον ἀνακτα καὶ ὡς δι' ἐπιφροσύνης ἐμῆς βασιλεύοντα.

⁴⁾ Theoph. Contin., p. 84: Θεόφιλος τὴν πατρικὴν ἀρχὴν καὶ βασιλείαν διεδέξατο. Genes., p. 51. ὁ δὲ Θεόφιλος τὴν πατρῶαν ἀρχὴν κληρωσάμενος.

Theoph. Contin., p. 148: τὴν δὲ βασιλείαν Μιχαὴλ ὁ τούτου (Θεοφίλου) υἱὸς διεδέξατο. Genes., p. 77: τὰ δὲ πατρῶα σκήπτρα διθύνειν καταλαμβάνεται Μιχαὴλ.

⁵⁾ Theoph. Contin., p. 207: τὸν τε Βασίλειον, ἐπεὶ μὴ εὐμόροι παιδὸς υἱοποιεῖται; p. 239: ἀν τῷ περιβλέπτῳ τῆς τοῦ Θεοῦ σοφίας ναῶν τὸν βασιλεῖον ὁ βασιλεὺς περτίθεται στέφανον χειρὶ μὲν τοῦ τότε Μιχαὴλ βασιλεύοντος, ψήφῳ δὲ καὶ κρίσει Χριστοῦ.

щемъ присягу сыну Мануила Комнина—Алексѣю. По словамъ Никиты Акомината, первоначально присяга была принесена въ Влахернскомъ храмѣ дочери царя Мануила, Маріи, и жениху ея Алексѣю Венгерскому. Но позже всѣ жители столицы были приведены къ присягѣ на вѣрность новорожденному сыну Мануила—Алексѣю ¹⁾. „Издаваемый синодальный актъ, говоритъ проф. Павловъ, показываетъ, что въ 1171 г. наравнѣ со всѣми гражданами обязаны были дать такую же присягу и всѣ находившіяся въ Константинополѣ духовныя власти, начиная съ патріарха (*Византійскій Временникъ*, т. II, стр. 388)“.

Оеофанъ рассказываетъ, что Константину VI, сыну Льва Хазарскаго, принесена была присяга всѣми жителями столицы, и что отецъ короновалъ его ²⁾. Очень можетъ быть, что подданные всегда присягали лицамъ, приобщеннымъ къ власти.

Въ рассматриваемый періодъ было 16 царей, вступившихъ на престолъ насильственнымъ путемъ (Левъ Исавръ, Никифоръ, Михаилъ Рангави, Левъ V, Михаилъ II, Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимсхій, Оеодора, Исаакъ Комнинъ, Никифоръ Вотаниать, Алексѣй Комнинъ, Андроникъ, Исаакъ Ангелъ, Алексѣй Ангелъ, Исаакъ и Алексѣй IV Мурзуфлъ) и 27 назначенныхъ предшественниками (Константинъ Копронимъ, Левъ IV, Константинъ VI, Ирина, Ставракій, Оеофилъ, Михаилъ III, Василій Македонянинъ, Левъ Мудрый, Александръ, Константинъ Багрянородный, Романъ Лакапинъ, Романъ II, Василій II, Константинъ VIII, Романъ Аргиръ, Михаилъ IV, Михаилъ V, Зоя и Оеодора, Константинъ Мономахъ, Михаилъ VI, Константинъ Дука, Романъ Діогенъ, Михаилъ Дука, Іоаннъ Комнинъ, Мануильт Комнинъ, Алексѣй II). Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ престолъ замѣщался по волѣ царей, и такъ называемое народное избраніе имѣло очень ничтожное значеніе.

Если царь могъ заставить подданныхъ принести присягу назначенному имъ преемнику, едва ли основательно называть Византію типомъ вѣчевой монархіи, какъ это дѣлаетъ г. Грибовскій (стр. 242). Онъ го-

¹⁾ Nicet. Choniat, p. 147: τῷ Στοικπειώτῃ... καὶ τοῖς ὄρκοις τοῦτον ἐπιστάτῃσαι κατὰ τὸν ἐν Βλαχέρναις νεῶν οἱ τὴν τοῦ κράτους διαδοχὴν ἐνεπέδουσαν Ἀλεξίῳ τε τῷ ἐξ Οὐγγρίας καὶ τῇ θυγατρὶ τοῦ βασιλέως Μαρίας. Ibid., p. 220: καὶ δὴ μετατίθει τοὺς ὄρκους πρὸς τὸν υἱὸν, οὗς ἐπὶ τῇ θυγατρὶ Μαρίας καὶ τῷ μνηστορὶ ταύτης Ἀλεξίῳ πρώην εἶχε τετελεχῆς, ὄθεν αὐτὸν τε τὸν βασιλεῖα καὶ ἐφ' ὃν οἱ ὄρκοι καὶ τοὺς ἀποδώσαντας τοῦτους τὸ ἐν Βλαχέρναις εἰσεδέχετο τῆς θεομήτορος τέμενος. καὶ διὰ τῆς τελεσιουργίας τῶν ὄρκων εἰς τὸν ἐξ ὀσφύος αὐτοῦ τὴν σκηπτουχίαν, ὡς ἔσπετο, μεταθέμενος.

²⁾ Theoph., p. 449—450.

ворить на своемъ странномъ языкѣ, что „народъ вопиѣ присвоилъ себѣ право *созданія* ¹⁾ императоровъ (стр. 251), что византійцы имѣли въ рукахъ сильное оружіе — признанное право низведенія императора съ престола и замѣну его угоднымъ себѣ лицомъ, и что право контроля подданныхъ надъ дѣйствіями власти, конечно, истекло въ Византіи изъ признанія суверенности народа“ (стр. 245). Трудно представить себѣ неограниченную монархію, гдѣ народу предоставленъ былъ бы непосредственный контроль надъ дѣйствіями правительства, гдѣ подданные пользовались бы правомъ смѣщенія монарха, то-есть, правомъ революціи, которое быстро привело бы къ полнѣйшей анархіи.

Конечно, ничего подобнаго не было въ Византіи, и еслибы авторъ-юристъ потрудился хоть сколько нибудь изучить византійскіе законы, онъ зналъ бы, что въ Византіи не было недостатка въ административномъ воздѣйствіи, что сходки строжайше запрещались, и заговоры особенно строго карались. Всѣ жители столицы были подчинены градоначальнику, которому такъ же, какъ начальникамъ провинціи, была предоставлена значительная власть ²⁾.

¹⁾ Не есть ли это плохой переводъ съ французскаго: tout citoyen a droit de créer l'empereur?

²⁾ Basil. I. 60: tit. 32, cap. 1. Οἱ ἄρχοντες πανταχοῦ κωλυέτωσαν ἐν πόλεσι καὶ κώμασι ἰδιώτας ἢ στρατιώτας ἐν τοῖς κάστροις αὐτῶν ἔχειν ἑταιρικά συστήματα. Cap. 2. Ὁ παράνομον ποιῶν σύστημα τῆ κατά τῶν σὺν ὄπλοις τόπον δημόσιον ἢ ἱερὸν κατασχόντων ὑπόκειται ποινῇ. Cap., 3. Ἀθέμιτον δὲ σύστημα καὶ σωματεῖον ἐστὶ, τὸ μὴ ἀπὸ νόμου ἢ βασιλέως συστάν.

Basil. I. 60, tit. 51, cap. 26. Οἱ νεωτερισταὶ μέχρι φωνῆς θορυβοῦντες καὶ ἀπολύονται, εἰ δὲ ὑπομνησθέντες παρὰ τοῦ ἄρχοντος τοῖς αὐτοῖς ἐπιμένουσιν ἐξορίζονται.

Synopsis min. A cap. 59: δίδομεν δὲ τοῖς ἀρχουσι ἀδειαν καὶ εἰ εὐροῖεν τινὰς διὰ τὴν τῆς ἀξίας ἢ τῆς ζώνης ὑπεροφίαν τοὺς ἡμετέρους ὑποτελεῖς ἀδικουῦντας, ἐξετάσειν τὰ τούτων ἀδικήματα καὶ τοὺς ἐν αἰτίαις εὐρισκομένους ἀφαιρεῖσθαι τῆς ζώνης. καὶ γὰρ τὴν ἡμετέραν τάξιν ἐν ταῖς ἐπαρχίαις παρέχομεν ἔχειν τοῖς ἀρχουσι καὶ ὅσπερ αὐτοὺς παντὸς ἀδίκου κέρδους εἰργόμεν, οὕτω καθαρῶς ταῖς ἀργαῖς κεχρημένους κάσης τιμῆς καὶ αἰδοῦς καὶ σεμνότερος ἀπολαύειν θεσπίζομεν.

Basil. I. VI, tit. 4, cap. 13. Πάντα τὰ ἐν Κωνσταντινουπόλει σωματεῖα καὶ οἱ πολλοὶ καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ δήμου παντὸς τῷ ἐπάρχῳ τῆς πόλεως ὑποκείμεθα.

Преступленіе противъ величества представляло исключеніе изъ обновленнаго судебнаго процесса: сановники подвергались пыткамъ и принимались свѣдѣтельства супруговъ другъ противъ друга, сына противъ отца, раба противъ господина.

Synops. min. A cap. 58. οἱ ἀξιωματικοὶ οὐχ ὑπόκεινται βασάνοις, εἰ μὴ ἐπὶ μόνῃς καθορισέσεως.

Piga XXX, 5. Ὅτι ἐπὶ τῆς καθορισέσεως καὶ ἀνὴρ κατὰ γυναῖκα καὶ γυνὴ κατὰ ἀνδρὸς καὶ δοῦλος κατὰ δεσπότη καὶ υἱὸς κατὰ πατρός μαρτυρεῖ.

Г. Грибовскому слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что византійцы подданство царю въ подписяхъ выражали словомъ рабъ (δοῦλος). Наконецъ немаловажно и то обстоятельство, что византійскіе цари никогда не говорили „мы волею народною“, а писали „мы волею Божіею“¹⁾.

Желая быть оригинальнымъ, авторъ посвятилъ особый отдѣлъ тому, что онъ называетъ „тяготѣніемъ къ самоопредѣленію“, и что на обыкновенномъ языкѣ называется самоуправленіемъ. По словамъ г. Грибовскаго, „принято говорить о византійской централизаціи и господствѣ повсюду административно-полицейскихъ началъ, задавившихъ жизнь областей. Однако, имѣлось ли дѣйствительно подобное сосредоточеніе власти въ теченіе всего промежутка бытія имперіи, это вопросъ почти неизслѣдованный и спорный. Нельзя, напримѣръ, вообще согласиться съ проф. Скабалановичемъ въ томъ, что основой византійской государственности была идея авторитета, подчиненія человѣческой личности государству, и что примѣненіе этой идеи отразилось въ Византіи крайностями централизаціи“ (стр. 186).

Такой, по мнѣнію г. Грибовскаго, ложный взглядъ общепринять въ настоящее время и основанъ на достовѣрныхъ и историческихъ фактахъ. А г. Грибовскій старается доказать очень своеобразнымъ образомъ, что византійскіе провинціальныя города пользовались самоуправленіемъ. Мысль эта, однако, не нова и только признана невѣрною современными историками; она заимствована г. Грибовскимъ у Мортреля вмѣстѣ съ нѣкоторыми аргументами.

Г. Грибовскій разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ Мортрель, хотя непосвященный читатель можетъ подумать, что нашъ авторъ высказываетъ свои собственныя мысли. Г. Грибовскій знаетъ о существованіи одной новеллы Льва Мудраго и даже сообщаетъ ей содержаніе, поль-

¹⁾ Выраженіе это очень часто встрѣчается въ новеллахъ.

Coll., I, nov. I. Ὅσῳ περὶ τὰ κοινὰ τῶν πραγμάτων εὐθὺς ἐκ προομιῶν τῆς ἡμετέρας βασιλείας ἐποιήσαμεθα πρόνοιαν τε καὶ σπουδὴν τῆς παραδοθείσης ἡμῖν ἐκ Θεοῦ πολιτείας κηδόμενοι (новелла Юстина II, 566 г.).

Coll., I, nov. VIII: διὸ καὶ ἡμεῖς ἐκ Θεοῦ τε καὶ δικαιοσύνης τὰ σκήπτρα παραλάβοντες (новелла Тиверія, 574 г.).

Coll., II, nov. II. ἡ οὖν ἐκ Θεοῦ βασιλεία ἡμῶν.

Coll., IV, nov. 63. καὶ ἡ βασιλεία μου ἐξέστου πρὸς τὸ βασιλεῖον ὕψος ἀνηγέθη παρὰ Θεοῦ (новелла Мануила Комнина 1159 г.).

Coll., IV, nov. 67. αὐτὰς γὰρ τὰς ἡμέρας, ἐν αἷς ἡ βασιλεία μου καὶ εἰς τὸν τῆδε βίον προήχεται καὶ εἰς βασιλεία Θεοῦ προνοίᾳ ἀνηγούρεται ἐμπράκτους εἶναι θεσπίσαι (новелла Мануила Комнина).

зуюсь французскимъ переводомъ Мортреля. „Несмотря на столь плачевное состояніе высшаго класса провинціальныхъ гражданъ, пишетъ онъ (стр. 187), Левъ Мудрый все-таки почему-то счелъ опаснымъ для самодержавія бытіе старыхъ муниципальныхъ учрежденій; онъ прямо объявилъ, что теперь, когда государственныя дѣла приняли другую форму, и все управленіе зависить только отъ императора, прежніе законы о городскомъ устройствѣ какъ бы блуждаютъ въ пространствѣ, не имѣя подъ ногами твердой почвы“¹⁾.

Г. Грибовскій такъ же, какъ Мортрель, не обратилъ вниманія на слѣдующую (47-ю) новеллу Льва Мудраго, въ которой еще рѣшительнѣе говорится о бесполезности городского самоуправленія и о несомвѣстности его съ самодержавіемъ, и окончательно отмѣняются прежнія постановленія о городскихъ выборахъ²⁾. Изъ воплигъ опредѣленныхъ словъ византійской новеллы, современные историки заключаютъ, что при Левѣ VI были уничтожены послѣдніе остатки прежняго муниципального самоуправленія. А г. Грибовскій дѣлаетъ изъ приведенной имъ новеллы противоположный выводъ. „Очевидно, говоритъ онъ, въ началѣ десятаго вѣка прежнее городское управленіе чрезъ посредство фактически упраздненныхъ декуріоновъ теперь замѣнилось нѣкоторымъ новымъ, безъ сомнѣнія, демократическимъ, находящимся по многимъ признакамъ въ непосредственной связи съ

¹⁾ On sait à quel point d'abaissement tombèrent les curies sous le despotisme impérial et Léon donne pour motif... Il ajoute: maintenant que les affaires civiles ont pris une autre forme et que toutes choses dependent uniquement de la sollicitude et de l'administration de la majesté impériale, ces lois errent en quelque sorte, vainement autour du sol légal (*Mortreuil*, III, 76). Coll. II, nov. 46: οἱ νῦν, ὅτι πρὸς ἐτέραν κατάστασιν τὰ πολιτικά μεταπεποίητα, πράγματα καὶ πρὸς μόνην τῆν βασιλείον πρόνοιαν τε καὶ διοίκησιν ἀνήρτηται πάντα, ὡς μάτην περιπλανώμενοι τῷ νομίμῳ ἐδάφει ἐκείθεν τῷ ἡμετέρῳ ὑπεξάγονται δόγματι.

²⁾ Coll. II, nov. 47: Πάσαι μὲν ἄλλην ἐχούσης τῆς πολιτείας κατάστασιν ἄλλως καὶ τῶν πραγμάτων ἢ τάξις ἐτάττετο. μὴ γὰρ πάντων ὑπὸ τῆς βασιλικῆς διασκοπούμενων προνοίας, ἀλλ' ὄντων τινῶν, ἃ τῆς συγκλήτου ἔργον ἦν διασκεφασθαι καὶ χειροτονεῖσθαι, ὑπ' ἐκείνης καὶ τὴν προβολὴν ἄλαμβανον. πραιτωρες γοῦν ἐν τῇ προκαθημένῃ τῶν πόλεων τρεῖς ὑπὸ ταύτης εἰς τὴν τῶν πραγμάτων διοίκησιν καθίσταντο καὶ ἡ τάξις, αὕτη νόμου προηεῖ θεοπίσματι ἀλλὰ γὰρ οὐ μόνον ἐν τῇ φερούσῃ πόλει τὸ κράτος, ἀλλὰ καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ὑπὸ τῶν οὕτω καλούμενων βουλευτῶν στρατηγοίτινες (οὐχ οἴους ἢ νῦν οἶδε στρατηγική ἀρχή) καὶ τιμιώτεροι δὲ τινες καὶ ἄλλην ἐγκχερισμένοι φροντίδα προβέβληντο. Τότε μὲν οὖν ἄλλως τῶν πραγμάτων διακείμενων ἢ χρεια τὸν νόμον ἐζήτει, νῦν δὲ τῆς βασιλικῆς φροντίδος πάντων ἐξηρηγμένων καὶ σὺν θεῷ τῇ ταύτης προνοίᾳ καὶ σκοπούμενων καὶ δικαιωμένων, καὶ χρειαν οὐδεμίαν ἐκείνου τοῦ νόμου παραγομένου, μετὰ τῶν ἄλλων, οἱ τῆς πολιτείας ἐκβέβληνται καὶ τοῦτον συνεκβεβλησθαι ὀρίζομεν.

возникновеніемъ торгово-ремесленныхъ корпорацій. Указъ Льва Мудраго несомнѣнно удостовѣряетъ народженіе новой общественной кристаллизаціи“ (стр. 188).

Это очевидно и несомнѣнно только для того, кто вѣрять на слово Мортреля ¹⁾).

Далѣе г. Грибовскій повторяетъ, не указывая своего источника неудачные аргументы Мортреля: первая новелла Романа Лекапина, первая и вторая Константина Порфиророднаго и третья Никифора Фоки даютъ знать, что въ городахъ и въ деревняхъ (ἐν πόλει καὶ χωρῶν) существовали общины, связанныя сходностью нуждъ и интересовъ; въ нихъ мы должны видѣть основы новаго городского и сельскаго самоуправленія. Самоуправленіе и децентрализація въ Византійской имперіи были вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывно соединены со стремленіемъ отдѣльныхъ городовъ, областей и ихъ правителей къ относительной независимости и свободному отношенію къ высшей власти. Духъ греческаго свободолюбія не мирился съ римскимъ абсолютизмомъ ²⁾.

Изъ того, что въ новеллѣ Романа Лекапина говорится о совладѣніи въ городахъ и селахъ, еще не слѣдуетъ, что существовало городское самоуправленіе; сельская община упоминается и во времена Юстиніана и никакъ не можетъ считаться основой самоуправленія вообще и новаго въ особенности.

Мнѣніе Мортреля г. Грибовскій старается подкрѣпить довольно оригинальнымъ способомъ. Онъ указываетъ на примѣръ Антиохіи и

¹⁾ Sous l'empire de Byzance, les municipalités s'étaient perpétuées en Grèce dans toute leur autorité et leur indépendance. Nous savons il est vrai, que Léon le Philosophe par sa nouvelle 46 avait aboli tout ce qui pouvait rester de l'institution purement romaine des curies et des décurions; qu'il avait réuni dans les mains du pouvoir royal les privilèges d'administration intérieure dont toutes les cités se trouvaient en possession. Mais si dès ce moment, il n'y eut plus dans le langage légal des curies et des décurions il y eut en fait des municipes libres, chaque ville, chaque bourg ou village conserva ou fit revivre sous une autre forme sa constitution communale (*Mortreuil*, III, 75).

²⁾ La première nouvelle de Romain Lécapène, la première et la seconde nouvelle de Constantin Porphyrogénète, la troisième de Nicéphore, constatent et reconnaissent dans les villes et les campagnes (ἐν πόλει καὶ χωρῶν) le fait des associations des classes pauvres opposées aux riches, formant des corporations dont les membres sont liés entre eux par une communauté d'intérêts, et qui ne sont autre chose que des communes. L'esprit des grecs les appelait surtout à cet état de choses. Ils avaient conservé le principe fondamental des antiques libertés grecques... (*Mortreuil*, III, 77).

прежде всего разказываетъ, что дѣлалось въ этомъ городѣ при Юліанѣ Отступникѣ, то-есть, въ ту эпоху, которую принято считать римскою, а не византійскою. Далѣе авторъ сообщаетъ, что, „освобожденные Никифоромъ Фокой изъ-подъ власти мусульманъ въ 966 г., въ 1034 г. антиохійцы опять проявили свое свободное отношеніе къ присылаемымъ градоправителямъ при помощи убіенія не въ мѣру изобрѣтательнаго въ налогахъ практора Салины“ (стр. 195). Такіе факты юристы называютъ обыкновенно самоуправствомъ, а не самоуправленіемъ. Наконецъ, г. Грибовскій указываетъ на отношенія антиохійскихъ гражданъ къ византійскимъ царямъ въ XII вѣкѣ, забывая, что въ это время Антиохія была не византійскимъ городомъ. Слѣдуя одностороннему и невѣрному разказу Киннама, авторъ называетъ Раймунда и Ренальда (Рено Шатильонскаго) намѣстниками Антиохіи, признанными царями Іоанномъ и Мануиломъ. На самомъ дѣлѣ Раймундъ и Рено были князьями антиохійскими, вассалами іерусалимскаго короля, а византійскіе цари воевали съ ними и съ оружіемъ въ рукахъ заставляли ихъ признавать свое верховенство надъ Антиохіей. Во время Рено, говоритъ Додю, антиохійцы считали своимъ сеньоромъ іерусалимскаго короля и прибѣгали къ нему за помощью; слѣдовательно, какъ бы они ни относились къ византійскому императору, изъ этого нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о самоуправленіи византійскихъ городовъ ¹⁾.

Г. Грибовскій посвятилъ отдѣльную главу византійскимъ сословіямъ, но, къ сожалѣнію, и здѣсь на сорока страницахъ онъ не сообщаетъ ничего новаго, а повторяетъ то, что сказано Виллемсомъ о сословіяхъ въ Римѣ, Мортрелемъ и другими о Византіи.

Вотъ, напримѣръ, что разказываетъ авторъ безъ указанія источника: „Приобрѣтеніе правъ гражданства въ Византійской имперіи происходило тремя способами: рожденіемъ, натурализацией и отпущеніемъ на волю того разряда лицъ, представители котораго считались чѣмъ-то среднимъ между домашнимъ животнымъ и неполноправнымъ гражданиномъ древне-римской эпохи. Съ того времени, какъ императоръ Каракалла (211—217 г.) въ интересахъ казны предоставилъ равноправность всѣмъ свободнымъ жителямъ, имѣвшимъ осѣдлость на территоріи римскаго государства, прежнее различіе между классами свободныхъ лицъ утратилось“ (стр. 144). Тутъ авторъ поставилъ въ

¹⁾ Исторія монархическихъ учреждений въ Латинно-іерусалимскомъ королевствѣ, стр. 89.

„Византійской имперіи“ вѣсто „Римской“ и затѣмъ выписалъ слова Виллемса ¹⁾).

На страницѣ 151 у г. Грибовскаго видимъ рядъ ссылокъ на *corpus iuris* Юстиніана, но все, что говорится здѣсь въ текстѣ, и тѣ же цитаты можно найдти у Виллемса (стр. 695—696, 737). Свѣдѣнія о корпораціяхъ на стр. 157 заимствованы у *Serrigny*, при чемъ авторъ счелъ нужнымъ вѣсто ссылки на него обвинить его въ ошибкѣ, которой у него нѣтъ ²⁾). Хотя на стр. 174 г. Грибовскій дѣлаетъ семь ссылокъ на законодательство Юстиніаново, вся эта страница такъ же, какъ и цитаты, взята у Виллемса ³⁾).

Отдѣлъ о крестьянахъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ незнакомства г. Грибовскаго съ литературой предмета и его нежеланія работать. Не трудно было достать въ Петербургѣ соотвѣствующія книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и толково изложить изслѣдованія В. Г. Васильевскаго и Ф. И. Успенскаго. Между тѣмъ г. Грибовскій взялъ въ руки только Папариго-

¹⁾ Право гражданства приобрѣтается, какъ и во время республики, рожденіемъ, натурализаціей и *manumissione iusta* (Виллемсъ, стр. 436). Наконецъ, императоръ Каракалла (211—217 г.), правда, въ интересахъ казны даровалъ право гражданства всѣмъ свободнымъ жителямъ, которые въ то время имѣли осѣдность въ территоріи Римской имперіи (стр. 437).

²⁾ „*Serrigny* (*Droit public romain*, II, 353), говоритъ г. Грибовскій, приводитъ купечество въ нѣсколько странную связь съ пожарной командой Константинополя“. Ничего подобнаго нѣтъ у *Serrigny*, онъ говоритъ только, что изъ членовъ ремесленныхъ корпорацій набиралась пожарная команда. *C'est avec les membres de ses corporations d'ouvriers qu'était formé le corps des gardes-pompiers de la ville de Constantinople, dont le nombre était fixé à 560 et qui étaient chargés de veiller aux incendies.*

³⁾ „Уже Константинъ Великій окончательно отнялъ у господъ право распоряженія жизнью раба по усмотрѣнію... Тотъ же императоръ запретилъ продажу семейства невольниковъ въ раздробъ и къ прежде существовавшимъ прибавилъ два новыхъ способа отпущенія на волю: *manumissio in sacrosanctis ecclesiis* и *manumissio* всякимъ выраженіемъ воли со стороны господина—духовнаго лица. Помимо того впоследствии были объявлены законными новыя причины, слагавшія съ раба его *status* и проч.“ (Грибовскій, стр. 174).

„Константинъ окончательно отнялъ у господина *ius pecis*... Онъ воспретилъ, кромѣ того, при продажѣ *familia* раба, разъединять дѣтей отъ родителей и т. д. къ видамъ отпущенія на волю, существовавшимъ въ предыдущемъ періодѣ, Константинъ присоединилъ два новыхъ способа, дававшихъ *libertas*: 1) *Manumissio in sacrosanctis ecclesiis*; 2) если господиномъ было лицо духовное, оно могло совершить отпущеніе всякимъ выраженіемъ воли. Кромѣ того, монархія ввела новыя причины, вслѣдствіе которыхъ рабъ получалъ свободу“ (Виллемсъ, стр. 760).

нуло, Цахаріэ и Виллемса, а изъ русской литературы онъ воспользовался только одною статьею академика Васильевскаго, наименѣе важною въ данномъ случаѣ. Авторъ не потрудился даже заглянуть въ Земледѣльческій законъ и увѣряетъ, будто *Nóμος* существуетъ *въ русскомъ переводѣ* съ параллельнымъ текстомъ греческимъ и славянскимъ, съ объясненіями проф. Павлова подъ именемъ „Книги законныя“ (стр. 163). Кто сообщилъ автору эти невѣрные свѣдѣнія, будто проф. Павловъ сдѣлалъ русскій переводъ Земледѣльческаго закона, будто онъ назвалъ этотъ законъ „Книгами Законными“? Почему авторъ не проявилъ своей любознательности и не заглянулъ въ изданіе, о которомъ онъ все-таки знаетъ по наслышкѣ; вѣдь Книги Законныя не библиографическая рѣдкость, онѣ напечатаны въ Сборникѣ Академіи Наукъ (т. 38).

Отдѣлъ о крестьянахъ начинается такими словами: „Громадное большинство земледѣльцевъ до и послѣ Юстиніанова періода находилось въ крѣпостномъ состояніи, унаслѣдованномъ отъ Рима“. Черезъ нѣсколько строкъ читаемъ: „Населеніе, посившее *въ эту эпоху* нма колоновъ, по большей части было лично свободно (С. XI, 51, 1; 47, 24)¹⁾“.

О какой же эпохѣ говорятъ г. Грибовскій? Очевидно, о какой-то эпохѣ, бывшей до Юстиніанова періода и послѣ него. Эта странная эпоха станетъ намъ понятною, если мы сличимъ изложеніе г. Грибовскаго съ книгой Виллемса.

„Населеніе, разказываетъ г. Грибовскій, носившее въ эту эпоху нма колоновъ (*coloni*), по большей части было лично свободно (С. XI, 51, 1; 47, 24); представители его считались *cives romani*, пользовались съ нѣкоторыми ограниченіями *jus connubii*, *commercii*, но въ представленіи закона мыслились нераздѣльно съ занимаемою ими землею и при переходѣ ея въ новыя руки поступали вмѣстѣ съ нею къ новому владѣльцу или собственнику“.

„Жители, говорятъ Виллемсъ, называвшіеся въ этотъ періодъ (то-есть, періодъ монархіи) *coloni*, были земледѣльцами, лично свободными, то-есть, *ingenui* (Cod. J. XI, 51, 1); они могли даже считаться *cives romani* и могли пользоваться *jus connubii* (Cod. J. XI, 47, 24) и *jus commercii* (но съ ограниченіями), но были неразрывно связаны съ землею, съ продажей которой они переходили вмѣстѣ съ остальнымъ инвентаремъ къ новому владѣльцу“.

¹⁾ Въ скобкахъ я ставлю цитаты г. Грибовскаго и Виллемса.

На слѣдующей страницѣ (стр. 162) читаемъ у г. Грибовскаго: „Обработка полей производилась колонами на свой счетъ; помѣщику они вносили годовую плату и, кромѣ того, платили черезъ владѣльца государству подушный налогъ, *который*, между прочимъ, не могъ быть по произволу увеличенъ хозяиномъ (С. XI, 49, 1) подъ угрозой обжалованія его дѣйствій судѣ. Равнымъ образомъ владѣлецъ не могъ согнать колона съ насиженнаго мѣста (С. XI, 47, 2, 7, 21), но и послѣдній, въ случаѣ оставленія своего участка, подлежалъ преслѣдованію и возвращенію на землю, какъ бѣглый рабъ (С. XI, 47, 23). Точно также колоны не имѣли права возбужденія иска противъ помѣщика (С. XI, 49, 2), владѣли имуществомъ они на правахъ *пекуліума*“.

Видимъ говорить слѣдующее: „Земля, на которой жили *coloni*, обрабатывалась ими въ качествѣ наемщиковъ владѣльца, на свой собственный счетъ, за годовую арендную плату, вносимую натурою или деньгами, смотря по обычаямъ, существовавшимъ въ помѣстьи, при чемъ *арендная плата* не могла быть увеличена владѣльцемъ (Cod. J. XI, 49, 1, 2). Владѣлецъ также не могъ согнать ихъ съ земли, равно какъ и продать землю безъ оставленія на ней колоновъ (Cod. J. XI, 47, 2, 7, 21). Относительно налоговъ колоны подлежали взносу *caritatio humana*, которую взималъ владѣлецъ и передавалъ затѣмъ сборщикамъ (Cod. Th. XI, 1, 14, 26. Cod. J. XI, 47, 4, 23). Колоны могли быть въ то же время собственниками, но они не имѣли права отчуждать свою собственность (Cod. Th. V, 2, 1, cod. J. XI, 49, 2. Отсюда такая собственность иногда называется *rescilium*).

Понятно, что при такой бѣдности матеріала невозможно было написать что нибудь обстоятельное. Такъ какъ въ немногихъ пособіяхъ, случайно выбранныхъ г. Грибовскимъ, онъ не нашелъ достаточныхъ свѣдѣній о юридическомъ положеніи крестьянъ, а работать по источникамъ счелъ лишнимъ, онъ утверждаетъ съ большою смѣлостью, что между византійскими крестьянами и помѣщиками „въ общемъ получались тѣ загадочныя отношенія, которыя существуютъ до нашихъ дней въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и извѣстны нашему праву подъ именемъ *чиншеваго владѣнія*“ (стр. 169). Сравненіе это не совсѣмъ удачно, потому что оно ничего не объясняетъ, кромѣ одного: г. Грибовскій сознается, что онъ о византійскихъ крѣпостныхъ знаетъ такъ же мало, какъ и о нашихъ чиншевикахъ. Однако чиншевое владѣніе совсѣмъ не такое загадочное явленіе, какъ думаетъ авторъ.

Г. Грибовскій повторяетъ басню, сочиненную Папаригонуло, будто земледѣльческій законъ совершенно уничтожилъ колонатъ, и крѣпостное право рушилось безъ возврата. А далѣе онъ разказываетъ, будто установленная десятина мортитовъ у париковъ смѣнилась произвольными поборами и барщиной, зачастую порождавшими свои злоупотребленія (стр. 169). Но кѣмъ же въ такомъ случаѣ были парики, какъ не крѣпостными? Въ концѣ же главы (стр. 172) г. Грибовскій утверждаетъ даже, что впавшіе въ нищету бѣдняки-крестьяне обращались въ рабство, и это въ странѣ, гдѣ было отмѣнено крѣпостное право!

Послѣ подробнаго разбора существенной части книги г. Грибовскаго можно не останавливаться долго на первомъ ея отдѣлѣ, гдѣ авторъ говоритъ о романизмѣ и эллинизмѣ и даетъ общій очеркъ византійской исторіи, тѣмъ болѣе, что именно этотъ отдѣлъ подвергнуть уже подробной критикѣ специалиста (въ *Византійскомъ Временникѣ*). Авторъ, конечно, не станетъ утверждать, что главы 2-я и 3-я представляютъ самостоятельный трудъ; это компиляція, составленная главнымъ образомъ по Папаригонуло, Дройзену, Финлею, Дрэперу, Гиббону, Успенскому, Васильевскому. Ученый рецензентъ справедливо замѣтилъ, что для характеристикки эллинизма и романизма авторъ не пользовался трудами Грота, Дункера, Курціуса, Белоха, Момизена, Марквардта, Шиллера и пр. Несмотря на множество вѣрныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ этимъ рецензентомъ, я все-таки въ одномъ случаѣ (ради научнаго безпристрастія) долженъ взять подъ свою защиту г. Грибовскаго. „Раньше чѣмъ перейти, пишетъ рецензентъ, къ борьбѣ народниковъ и западниковъ, то-есть, защитниковъ эллинизма и романизма, составляющей будто бы суть византійской исторіи, необходимо, однако, выяснить, въ чемъ заключаются тѣ данныя, на которыхъ г. Грибовскій основываетъ свое мнѣніе. Отвѣтъ очень простъ: г. Грибовскій это выдумалъ; нѣтъ ни одного источника, ни одного ученаго, на показанія которыхъ онъ бы ссылался или былъ въ состояніи сослаться“ (*Византійскій Временникъ*, 1897 г., стр. 643).

На самомъ дѣлѣ, г. Грибовскій ничего не выдумывалъ, а только воспользовался однимъ замѣчаніемъ Ѳ. И. Успенскаго. „Борьба романизма и эллинизма, говоритъ г. Грибовскій (стр. 70), въ Византіи вызвала возникновеніе политическихъ партій, изъ которыхъ первая можетъ быть названа западнической, вторая эллинофильскою. Западники были консерваторами, тянули сторону иноземцевъ, эллинофилы представлялись прогрессистами, народолюбцами“. Въ данномъ случаѣ авторъ ни на кого не ссылается, но онъ могъ бы сослаться на слѣ-

дующія строки, написанныя Ѡ. И. Успенскимъ: „Наблюдая различныя эпохи византійской исторіи, въ особенности разсматривая такіе критическіе моменты, когда ставился вопросъ о существованіи тысячелѣтней имперіи, мы приходимъ къ заключенію, что за выдѣленіемъ болѣе или менѣе случайныхъ чертъ, соответствующихъ различнымъ эпохамъ и потому измѣняемыхъ, въ Византіи въ дѣйствительности имѣютъ жизненное значеніе двѣ политическія партіи: западническая и національная. Подъ всѣми разнообразіями партій усматривается одна устойчивая и положительная черта: борьба національнаго начала съ чуждымъ, привнесеннымъ съ запада. Были періоды, когда во главѣ народной партіи стояли восточные элементы; получала преобладаніе греческая партія, націонализмъ выражался въ эллиническихъ тенденціяхъ“ (Очерки по исторіи византійской образованности, стр. 66).

Воспользовавшись замѣчаніемъ Ѡ. И. Успенскаго, на которомъ тотъ не настаиваетъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, г. Грибовскій дѣлитъ всѣхъ византійскихъ императоровъ на двѣ категоріи и тѣхъ, кто ему нравится и кто ему представляется полезнымъ, онъ причисляетъ къ націоналистамъ, а тѣхъ, кто ему не нравится, называетъ западниками. Единственный византійскій царь, который можетъ быть названъ западникомъ, это Мануилъ Комнинъ, поддерживавшій сношенія съ папой и старавшійся вводить въ Константинополь рыцарскіе обычаи. А объ немъ г. Грибовскій говоритъ, что „нетрудно усмотрѣть за всѣми его мѣрами и сужденіями одну постоянную цѣль ослабленія силы и господства западнической партіи“ (стр. 136).

Разбираемая книга можетъ служить предостереженіемъ начинающимъ ученымъ; изъ нея видно, какъ опасно довѣрять устарѣвшимъ писателямъ, не провѣряя ихъ по источникамъ. На стр. 380 нашелъ я такія ни съ чѣмъ не сообразныя слова, что поневолѣ дивнисься, какимъ образомъ могли они выйдти изъ-подъ пера православнаго историка-юриста. „Вслѣдъ за постановленіемъ собора, пишетъ г. Грибовскій, Алексѣй Комнинъ издалъ свою двѣнадцатую новеллу, заключающую въ себѣ, между прочимъ, статью подобнаго содержанія: „такъ какъ *халкидонскіе первосвященники* сиона отказались признавать почести, предоставленныя императорамъ, мое императорское могущество... изволило постановить“. Къ этому сдѣлана такая цитата: Nov. XII περί τῶ ἀνάγειν τὰς ἐπίσκοπὰς εἰς μῆτροπόλεα. Слѣдовательно, подумаетъ наивный читатель, авторъ пользовался подлинною новеллой Алексѣя Комнина, и слѣдовательно тамъ говорится о халкидонскихъ первосвященникахъ. Такъ какъ въ томъ же отрывкѣ авторъ подъ констан-

тинопольскимъ первосвященникомъ разумѣть очевидно константинопольскаго патріарха, оказывается, что существовалъ и халкидонскій патріархъ и даже не одинъ, а, по крайней мѣрѣ, два. Подобной нелѣпости нѣтъ, конечно, въ византійской новеллѣ (тамъ говорится о постановленіи Халкидонскаго собора), но есть она у Мортреля, который ошибочно перевелъ неисправный текстъ, напечатанный Леунклавиємъ¹⁾. Г. Грибовскій съ своей стороны очень свободно перевелъ Мортреля, и получилось нѣчто мало похожее на византійскій законъ²⁾.

¹⁾ Въ новеллѣ по изданію Цлхаріε (Coll., IV, nov. 29): 'Ἐκεῖ δὲ οἱ ἀρχιερεῖς καὶ αὐτῆς τὸν τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου κανόνα φέροντας τοὺς ἐκ προσελύσεως τοῦ ὑψηλοτέρου ἀξιουμένους θρόνονα παρὰ κανόνας ἔλεγον τῆς τελευταίας τυγχάνει τιμῆς, καὶ ἤθελον ταῖς ἀλογίστοις ὁρμαῖς ἐπιτεθῆναι κώλυμα, καὶ ἦσαν κανονικῆν προσφέροντας ἀξίωσιν, ἢ βασιλεία μου... Переводъ Мортреля (Ш, 158): „les pontifes de Chalcedoine ayant de nouveau refusé de reconnaître les honneurs concédés par l'empereur à des églises, mon pouvoir impérial...“ Еслибы г. Грибовскій перевелъ съ греческаго, онъ едва ли написалъ бы вѣсто „царственность“ императорское могущество, какъ у Мортреля.

²⁾ Изъ сличенія греческаго текста съ переводомъ Мортреля видно, что г. Грибовскій переводитъ съ французскаго и при томъ неточно.

Μὴ ἄλλως ἐπισκοπὴν εἰς προβαθμώτερον θρόνον ἀνάγεσθαι, ἀρχιεπισκοπῆς δηλονότι ἢ μητροπόλεως, εἰ μὴ ὁ κατὰ καιροὺς βασιλεὺς οἴκοθεν χάριτος ἀνθρωπίνης μὴ μεσολαβούσης οὐκ εὐπράκτους, βουλευθεῖη ταύτῃ τὸ ἐπαναβεβηκὸς ἀξίωμα παρασχεῖν, ἢ τιμῆ τῆς πόλεως ἢ πίστις τῇ πρὸς τὴν εὐαγῆ ἐκκλησίαν ἢ τοῦ προσετώτος αὐτῆς τὴν ἀρετὴν σεβασθεῖς, κἀντεῦθεν αὐθόρμητος γεινώσκει πρὸς τὸ χαρίσασθαι τὴν τιμὴν. Καὶ τῷ γε δι' ἀνθρωπίνην προσπάθειαν καὶ τρόπον οὐκ ἐπαινούμενον τὸ ὑπερβεβηκὸς χαριζομένῃ τῆς τάξεως τὸ ἀπὸ τῶν θεῶν κανόνων ὁσὸς ἐπανατείνεται, οἷς ἵνα μὴ περιπέσοι κολλάκις ὁ βασιλεὺς, ἐφίση καὶ τοῦτο τῷ κατὰ καιροὺς ἀγιωτάτῃ πατριάρχῃ, μὴ ἄλλως καταστρωγνύειν τὸ παρ' οἰουμένης προχομιζόμενον πιττάκιον χάριν προσδρίας τῆς οἰασοῦν ἐκκλησίας, μηδὲ τὸν προσετώτα αὐτῆς τοῖς ἀρχιεπισκόποις ἢ τοῖς μητροπολίταις συγκαταλέγεσθαι, εἰ μὴ ὁ πατριάρχης παρὶ τούτου ἀνεγκών τῇ βασιλικῇ ἐξουσίᾳ καὶ τὰ περὶ τῶν θεῶν κανόνων ἀναδιδάξας μάθη, ὡς κατὰ τὸ ἐφεῖμενον οἴκοθεν ὁ βασιλεὺς ἐξ εὐλόγου προφάσεως τῇ ἐκκλησίᾳ τὴν τιμὴν ἐχαρίσατο. Aucun évêché ne sera élevé à un rang supérieur, c'est à dire en archevêché ou metropole, qu'autant que l'empereur, de son propre mouvement et sans aucune considération humaine, accordera cette distinction à une église à cause, soit de l'honneur de la cité, soit de son dévouement à la foi de l'église, soit de la vertu de celui qui la préside; et pour que l'empereur n'accorde pas cet honneur sans motifs, il autorise le saint patriarche à ne confirmer la charte de privilège et à n'admettre le nouveau président au rang des archevêques ou metropolitains, qu'après en avoir conféré avec l'empereur et lui avoir représenté les prescriptions canoniques. Переводъ г. Грибовскаго: „Ни одинъ епископъ отнынѣ не будетъ возводимъ въ высшій санъ архіепископа или метрополита иначе, какъ по собственному всякій разъ побужденію императора, когда послѣдній, помимо всякихъ суетныхъ человѣческихъ соображеній, пожелаетъ такое достоинство какой либо церкви или въ виду заслугъ самого округа ея въ отношеніи преданности православной вѣрѣ или въ

Вотъ другой примѣръ прискорбнаго довѣрія автора къ старымъ книгамъ и нежеланія его знакомиться съ текущею литературой. „Особенностью строя византійской общественности, пишетъ г. Грибовскій (стр. 156), являлась группировка людей знанія, ремесла или искусства по корпораціямъ, подобнымъ цехамъ Западной Европы. Въ Византіи городская корпоративность получила общее значеніе. Левъ Мудрый обнародовалъ собраніе правилъ, опредѣлявшихъ эти новые корпоративные порядки, но, къ сожалѣнію, *сборникъ не дошелъ до нашего времени* (!), и отъ него уцѣлѣлъ только одинъ отдѣлъ, касающійся условій допущенія новичковъ въ союзъ нотаріусовъ“.

При этомъ сдѣлана ссылка на Мортреля, и дѣйствительно сорокъ лѣтъ тому назадъ французскій ученый имѣлъ полное право скорбѣть объ утратѣ этого важнаго памятника; но еслибы русскій ученый просмотрѣлъ библиографію въ *Византійскомъ Временикѣ* онъ обрадовался бы, узнавъ, что помянутый сборникъ найденъ и напечатанъ Никодемъ не только по-гречески, но и во французскомъ переводѣ. Тогда г. Грибовскій, придающій большое значеніе корпораціямъ, не написалъ бы слѣдующихъ несообразностей: „Съ уничтоженіемъ новеллой Льва Мудраго прежняго муниципальнаго устройства городовъ, упразднилось и въ самомъ законѣ существованіе коллегій, какъ подневольныхъ общинъ. Съ уничтоженіемъ аннонъ (!) бывшія подневольныя коллегіи превратились въ свободныя корпораціи, самоуправляющіяся единицы, облегчавшія ихъ отдѣльнымъ членамъ борьбу за существованіе и обезпечивавшія взаимную помощь“ (стр. 159—160). Подъ уничтоженіемъ аннонъ авторъ разумѣетъ кажется замѣну поземельной подати денежною; какое отношеніе имѣла эта замѣна къ ремесленнымъ корпораціямъ, не владѣвшимъ земельною собственностью, онъ не объясняетъ, а я догадаться не могу. Но самъ же г. Грибовскій сообщаетъ, что Левъ Исаврянинъ установилъ новый налогъ дикератъ, явившійся увеличеніемъ на два кератія каждой номизмы поземельной подати. Слѣдовательно въ восьмомъ вѣкѣ анноны были уже уничтожены, и бывшія подневольныя коллегіи превратились въ свободныя корпораціи, а въ концѣ девятаго вѣка (при Левѣ Мудромъ) упразднилось суще-

„виду исключительныхъ добродѣтелей высшаго духовнаго начальника; потому, до тѣхъ поръ, пока патріархъ не посовѣтовался съ императоромъ и не представилъ ему каноническихъ правилъ, константинопольскому перссыященнику разрѣшается не утверждать диплома представляемаго кандидата и не возводитъ его въ рангъ архіепископовъ или митрополитовъ, такъ какъ императоръ не жалуетъ этихъ высшихъ почестей безъ достаточныхъ къ тому основаній“.

ствование collegiй, какъ подневольныхъ общинъ. Г. Грибовскому слѣдовало объяснить, когда collegiи вновь сдѣлались подневольными, и почему это въ Византіи происходили такія метаморфозы съ корпораціями? Еслибы онъ потрудился прочесть такъ называемую книгу эпарха, изданную Никодемъ, онъ зналъ бы, что ремесленныя и торговыя корпораціи никогда не были самоуправляющимися единицами, что византійское правительство уничтожило самоуправленіе корпорацій и сдѣлало изъ нихъ учрежденія, подчиненныя чиновникамъ, въ Константинополь эпарху.

Характеръ разбираемаго труда ясно виденъ, какъ изъ цитатъ, такъ и изъ способа изложенія. Два раза (стр. 151 и 188) г. Грибовскій, ссылаясь на новеллы Льва Мудраго, прибавляетъ въ скобкахъ „изданіе Фуггера“. Интересно было бы знать, гдѣ авторъ видѣлъ это изданіе. Насколько я знаю, такого изданія не имѣется ни въ одной библіотекѣ, и еслибы авторъ дѣйствительно пользовался сочиненіемъ В. Г. Васильевскаго, на которое разъ указываетъ, онъ зналъ бы, что новеллы Юстиніана, Юстина и Льва изданы были шотландцемъ Скримгеромъ, а Фуггеръ былъ извѣстнымъ въ свое время меценатомъ (Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи, стр. 28).

По всей вѣроятности, г. Грибовскаго смутило подробное заглавіе, приведенное у Мортреля. *Ἀὐτοκράτορων Ἰουστινιανῶν, Ἰουστίνου, Λέοντος κτλ. καὶ διατάξεσι. Ex bibliotheca illustris viri Huldrici Fuggeri Studio et diligentia Henrici Scrimgeri Scoti... anno 1558 excudebat Henricus Stephanus Huldrici Fuggeri Typographus.* Это первое изданіе новеллъ, сдѣланное по одной рукописи. Что Мортрелю приходилось пользоваться стариннымъ изданіемъ, совершенно понятно, въ его время не существовало еще исправнаго изданія Цахаріэ. Но почему г. Грибовскій счелъ нужнымъ въ однихъ случаяхъ указывать (и при томъ ошибочно) на изданіе XVI вѣка, а въ другихъ случаяхъ (стр. 355) пользуется какъ будто извѣстнымъ *Jus Graeco-Romanum* Цахаріэ, я могу объяснить себѣ только тѣмъ, что онъ бралъ цитаты и у Мортреля и у Θ. И. Успенскаго.

Что означаетъ ссылка на Василики съ прибавленіемъ Leuncl. (стр. 180), не сѣмѣтъ объяснить ни одинъ спеціалистъ. Леунклавій Василікъ не издавалъ, а напечаталъ только *Synopsis Basilicorum*.

Далѣе г. Грибовскій приводитъ новеллы Алексѣя Комнина подъ номерами такимъ образомъ: 2-я, 20-я и пр. новеллы, при чемъ онъ не говоритъ, какимъ изданіемъ пользовался (стр. 179 и 379). Напримѣръ, авторъ говоритъ объ экзаменѣ на чтеца, священника и пр.

и ссылается на 20-ю новеллу Алексѣя Комнина. Если мы справимся съ изданіемъ Цахаріэ, то тамъ подъ № 20 найдемъ расчетный листъ, составленный въ видѣ руководства для сборщиковъ податей. Слѣдовательно подобныя цитаты невозможно разыскать и провѣрить, обращаясь къ подлиннымъ новелламъ. Если же мы заглянемъ въ сочиненіе Мортреля, то замѣтимъ, что нумерація г. Грибовскаго совпадаетъ съ Мортрелевской. Но Мортрель не издавалъ новеллы, а только общаетъ ихъ содержаніе и притомъ въ произвольномъ порядкѣ.

Избѣганъ цитатъ тамъ, гдѣ онѣ необходимы, авторъ иногда ставитъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ являются лишнею роскошью. Напримѣръ, онъ указываетъ (стр. 105) на четыре статьи *Ecloga privata aucta* въ доказательство того, что въ Византіи существовала смертная казнь, но въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвается.

Въ наиболѣе существенной части диссертациі г. Грибовскаго (гл. IV—гл. VIII), по крайней мѣрѣ, половина цитатъ заимствована изъ вторыхъ рукъ, именно 33 ссылки на *Corpus Juris* Юстиніана, 20 на новеллы византійскихъ императоровъ, 4 на другіе юридическіе памятники, 21 на византійскихъ писателей. Изъ цитатъ же, которыя можно признать самостоятельными (хотя и тутъ есть сомнительныя), значительное большинство (45 изъ 78) падаетъ на византійскихъ историковъ, переведенныхъ на русскій языкъ (Совѣты боярина, Книгамъ, Хоніатъ, Алексіада), а на юридическіе памятники имѣется всего 12 ссылокъ (4 на *Theodosienv Codex*, 5 на *Corpus Juris*, 2 на Василіки, 1 на *Synopsis Attalіata*). Такимъ образомъ оказывается, что юристъ, занимающійся византійскимъ государственнымъ правомъ, всего больше интересовался не юридическими документами, а византійскими историками и при томъ только XI и XII вѣка.

Избѣгая самостоятельнаго труда, г. Грибовскій позволялъ себѣ относиться очень небрежно къ тѣмъ пособіямъ, которыми онъ пользовался. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что какой-то трудъ Цахаріэ фонъ-Лингенталъ напечатанъ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера (т. 86 и 87), тогда какъ въ помянутой Энциклопедіи имѣется исторія византійскаго права не Цахаріэ, а Геймбаха. Миѣ думается, что недоразумѣніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ статьѣ В. Г. Васильевскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г., ч. 199, стр. 270), которою пользовался г. Грибовскій, говорится слѣдующее: „Вѣрный взглядъ на эклогу, усвоенный теперь наукой, былъ впервые высказанъ Бинеромъ и затѣмъ былъ принятъ и развитъ Эд. Цахаріэ въ предисловіи къ изданію Прохирона; статья

объ Эклогѣ въ новѣйшей (внѣшней) исторіи римско-византійскаго права есть только буквальный пѣмецкій переводъ написанныхъ полатыни страницъ предисловія, съ нѣкоторыми малоудачными дополненіями изъ другихъ источниковъ (см. 86 и 87 т. Энциклопедія Эрша и Грубера)". Въ этомъ мѣстѣ В. Г. Васильевскій не счелъ нужнымъ назвать имени автора исторіи византійскаго права, и невнимательный читатель можетъ подумать, что рѣчь идетъ о Цахарізі; однако въ той же статьѣ (стр. 276) В. Г. Васильевскій сообщаетъ, что сочиненіе, напечатанное у Эрша и Грубера, принадлежитъ Геймбаху.

„Националисты, пишетъ г. Грибовскій, изъ устъ Алексѣя Комнина еще разъ услышали въ качествѣ безспорнаго положенія ту мысль, что уваженіе иконамъ отдается не *συχτικῶς*, а только *λατρευτικῶς*, то-есть, относительно, а не абсолютно“ (стр. 131). Свѣдѣніе это несомнѣнно заимствовано у Θ. И. Успенскаго (Очерки, стр. 199), но термины не поняты и перепутаны; на соборѣ, препіями котораго руководилъ Алексѣй Комнинъ, постановлено, что τῶν μὲν ἁγίων εἰκόνας προσκυνούμεν *συχτικῶς*.

Иногда г. Грибовскій какъ будто не твердъ въ хронологіи. Рассказавъ эпизодъ съ богомильскимъ попомъ Васиіемъ, авторъ говоритъ: „Васиіій сгорѣлъ. Но это была единственная вынужденная жестокость, запятнавшая царствованіе доблестнаго государя. Впослѣдствіи, въ 1114 г. при обращеніи павликіанъ, Комнинъ не вышелъ изъ предѣловъ мирнаго увѣщанія“ (стр. 133). Но помянутый эпизодъ съ Васиіемъ происходилъ въ 1118 г., а сожженъ онъ былъ послѣ смерти царя Алексѣя въ 1119 г. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Юстиніанъ сохранилъ эту конституцію въ кодексѣ, и отиѣна ея послѣдовала только при Львѣ Мудромъ, когда древній сенатъ, фактически еще при Никифорѣ Фокѣ слившійся съ государственнымъ совѣтомъ, наконецъ вытѣснилъ послѣдній или, лучше сказать, превратился самъ въ это учрежденіе“ (стр. 151). Авторъ думаетъ, что Никифоръ Фока (963—969 г.) царствовалъ раньше Льва Мудраго (886—911 г.).

Г. Грибовскій называетъ Михаіла Калафата мужемъ императрицы Зои (стр. 233), тогда какъ онъ былъ племянникомъ ея втораго мужа Михаіла IV. „Когда по смерти чистокровнаго западника Константина Дуки, говоритъ г. Грибовскій (стр. 255), оставившаго престолъ своей женѣ Евдокіи, утомленный народъ потребовалъ избранія мужа императрицѣ, и избранный сенатомъ *Романъ Арииръ* оказался не жалкою пѣшкой, а дѣятельнымъ радѣтелемъ о государственныхъ интересахъ, Евдокія вмѣстѣ съ сенаторами воспользовалась первымъ удоб-

нымъ случаемъ, плѣномъ *Ариара*, чтобы объявить его смѣщеннымъ съ престола“. Но царь Романъ Аргиръ давно уже лежалъ въ могилѣ, а Евдокія по смерти Константина Дуки вышла замужъ за Романа Діогена.

Оеофилакта, архіепископа болгарскаго, г. Грибовскій называетъ патриархомъ (стр. 311—312).

У г. Грибовскаго, кромѣ указанныхъ недостатковъ, находимъ довольно много противорѣчій, такъ часто встрѣчающихся у неумѣлыхъ компиляторовъ. На стр. 47 авторъ говоритъ, что грекъ отличался пытливымъ умомъ, и что „въ немъ было мало развито то ничѣмъ не утолимое исканіе истины, которое свойственно глубоководному уму“. На стр. 64 говорится, что христіанство объявило войну рабству, а далѣе (на основаніи Жанз), что „многіе отцы церкви, отрицая рабство отвлеchenно, признавали его въ качествѣ положительнаго государственнаго установленія“.

Съ одной стороны г. Грибовскій сообщаетъ, что „восточная монархія являлась въ минуты подъема ея духовныхъ и вещественныхъ силъ образцомъ правильно понимаемаго государственнаго устройства, съ народомъ, обезпеченнымъ въ своемъ правѣ быть хорошо управляемымъ, и правительствомъ, полагающимъ свою цѣль въ осуществленіи благъ вѣреннаго его попеченіямъ населенія при помощи житейской, практической и отвлеchenной философской мудрости“ (стр. 388). Съ другой стороны авторъ говоритъ, что народъ, обезпеченный въ своемъ правѣ быть хорошо управляемымъ, имѣлъ только одинъ способъ ограждать себя отъ злоупотребленій—это самоуправство. „Высшее сословіе, пишетъ онъ, находило защиту въ родственныхъ связяхъ, съ причастными къ власти, въ личной имущественной вліятельности, въ близости къ двору и самому монарху; духовенство опиралось на тѣ же основанія и въ придачу подкрѣплялось авторитетомъ церкви, армія во всякое время сама могла превратиться въ учрежденіе, противное видамъ правительства, и потому убогаторялась этимъ послѣднимъ; оставались только крестьяне и горожане всякаго рода, которымъ приходилось изыскивать собственные пути въ дѣлѣ огражденія личныхъ интересовъ“ (стр. 203).

Разбирая „доли участія различныхъ сословій въ дѣлѣ избранія правителя“, г. Грибовскій приходитъ къ такому выводу: „Вглядываясь въ дѣйствія сената относительно выбора императоровъ, можно съ увѣренностью высказать то положеніе, что за рѣдкими исключениями выставляемые имъ кандидаты являлись народнымъ бѣдствіемъ. Сенатъ, имѣя подѣ часть и въ средѣ собственнаго состава выдающихся

людей, однако при выборѣ императора всегда склонялся на сторону всякаго ничтожества“ (стр. 255—256). „Личный выборъ народа почти никогда не былъ удаченъ“ (стр. 260). „Въ большинствѣ случаевъ солдаты при избраніи новаго императора руководились соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ государственными пользами“ (sic! стр. 278). Все это можетъ быть и такъ, но откуда же явились идеальные цари, о которыхъ г. Грибовскій говоритъ: „На тропѣ начали появляться государи ученые и монархи-философы въ полномъ смыслѣ этого слова. Мечты Платона и Аристотеля какъ бы осуществлялись наяву. Чтобы приблизиться къ идеалу, императоры-народолюбцы призывали всю силу воли и подавляли въ себѣ порывы гнѣва, раздраженія и иныхъ страстей. Они какъ бы переставали жить личною жизнью, цѣликомъ отдаваясь на служеніе государству“ (стр. 314).

Небрежности, съ которою г. Грибовскій составлялъ свою книгу, соотвѣтствуетъ и небрежность слога. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Въ музеѣ имѣлись всѣ необходимыя данныя и приспособленія, какъ для разработки точной науки, такъ и для *упражненія легкой литературы*“ (стр. 46). „Евреи желали Мессію, героя, освободителя отъ ига римлянъ, и потому гнуснаго разбойника въ милосердіи властителя предпочли воплощенію Божества“ (стр. 60). „Судьбѣ было угодно отмѣтить своей благосклонностью Византію, и востокъ все-таки остался отъ такого выбора въ ббльшемъ выигрышѣ, нежели это ему предстояло въ случаѣ перенесенія столицы, напримѣръ, въ Лютенцію или Равенну“ (стр. 66). „Толпа не создаетъ ничего новаго, но за то при извѣстныхъ условіяхъ она обладаетъ качествомъ правильности, хотя подчасъ и безсознательной, оцѣнки, пониманія истины при помощи практическаго разсудка“ (стр. 92). Такія же жестокости упражняли надъ византійской знатію Константинъ VIII, Михайлъ Стратіотикъ и другіе государи“ (стр. 153).

Одна ничтожная подробность показываетъ, какъ работалъ г. Грибовскій. Онъ любитъ вычурныя выраженія и высокопарную рѣчь, но даже риторическія фигуры и сравненія онъ заимствуетъ у другихъ писателей. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, „что византійскіе императоры никогда не узурпировали безконтрольнаго авторитета въ дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ, какъ то дѣлалъ въ своихъ личныхъ выгодахъ и преходящихъ интересахъ Генрихъ VIII англійскій“ (стр. 185). Сравненіе это имѣется у Панаригонуло ¹⁾.

¹⁾ On doit pourtant convenir que la monarchie de Constantinople n'antreprit pas la révolution en vue d'intérêts personnels comme Henri VIII d'Angleterre (*Paparigopulo, Histoire de la civilis. hellénique, p. 194*).

„Принято считать неоплатониковъ, пишетъ авторъ, представителями упадка и дряхлости греческой мысли“, и указываетъ на Дрэпера. Затѣмъ онъ такъ возражаетъ этому писателю: „Врядъ ли, однако, можно согласиться съ подобнымъ положеніемъ. Греческая философія, зародившаяся подъ сѣнью пирамидъ, вернулась вовсе не для того, чтобы умереть на родной землѣ“ (стр. 53). Оказывается, однако, что авторъ попросту взялъ фразу у того же Дрэпера и только вставилъ отрицаніе; отъ этого риторическая фигура, понятная въ изложеніи Дрэпера, оказывается неумѣстною въ книгѣ г. Грибовскаго. „Греческая философія, говоритъ Дрэперъ, зародилась подъ сѣнью пирамидъ; послѣ многихъ странствованій въ теченіе тысячи лѣтъ по берегамъ Средиземнаго моря, она вернулась назадъ на мѣсто своей родины и умерла подъ сѣнью тѣхъ же пирамидъ“¹⁾).

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, что г. Грибовскій не выполнилъ принятой на себя задачи, не опредѣлилъ „никакихъ элементовъ византизма государственно-правоваго характера“ и пришелъ даже къ такому поразительному для изслѣдователя выводу: „Монархія, подъ часъ издѣвающаяся надъ своимъ державнымъ вождемъ, республика безъ представительства, безъ народнаго собранія, безъ выборныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, какая-то невообразимая смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ, тираннія съ народоправствомъ—вотъ тотъ сфинксъ государственнаго строя Византіи, который смотритъ на насъ своимъ загадочнымъ взоромъ сквозь туманъ истекшихъ столѣтій“ (стр. 237). Правильнѣе было бы сказать, что невообразимая смѣсь получается, когда стараются согласовать Гиббона съ Папаригопуло, Финлея съ Успенскимъ, Мортреля съ Васильевскимъ, а что сфинксъ государственнаго строя Византіи смотритъ на насъ сквозь туманъ устарѣлыхъ сочиненій.

Суть византизма сдумѣть разъяснить только тотъ ученый, который дастъ себѣ трудъ работать по источникамъ, а не будетъ вѣрить на слово всякой случайно попавшейся книгѣ.

III. Безобразіе.

¹⁾ Исторія умственнаго развитія Европы, стр. 163.